

АНДРЕЙ КУРКОВ
ЮРИЙ ВИННИЧУК

КЛЮЧИ МАРИИ

Андрей Курков

Ключи Марии

«ОМІКО»

2020

УДК 821.161.1 (477)

Курков А. Ю.

Ключи Марии / А. Ю. Курков — «ОМІКО», 2020

События нового романа Андрея Куркова и Юрия Винничука разворачиваются сразу в трех исторических пространствах: Крестовый поход 1111 года, описанный в Хронике рыцаря Ольгерда из Галича, предчувствие и начало Второй мировой войны во Львове и Кракове, а также нынешнее время. Кто такая Дева и почему за ней охотятся вот уже несколько столетий подряд, кем на самом деле является черный археолог Олег, а главное – куда ведут двери, которые можно открыть только ключами Марии? Об этом узнаете на страницах одного из самых ожидаемых романов современной украинской литературы последних лет.

УДК 821.161.1 (477)

© Курков А. Ю., 2020

© ОМІКО, 2020

Содержание

Пролог	6
Глава 1	8
Глава 2	11
Глава 3	14
Глава 4	17
Глава 5	20
Глава 6	25
Глава 7	28
Глава 8	31
Глава 9	34
Глава 10	37
Глава 11	40
Глава 12	42
Глава 13	45
Глава 14	49
Глава 15	52
Глава 16	56
Глава 17	59
Глава 18	63
Глава 19	66
Глава 20	69
Глава 21	72
Глава 22	75
Конец ознакомительного фрагмента.	77

Андрей Курков, Юрий Винничук

Ключи Марии

Авторы выражают благодарность профессору Пенсильванского университета Майклу Найдану, заведующему отделом периодики Львовской национальной научной библиотеки Украины имени В. Стефаника Юрию Романишину, заведующему отделом украинистики этой же библиотеки Константину Курилишину, ветерану УПА Богдану Кирницкому, а также нашим первым читателям Юрию Лысенко, Мирославе Балицкой, Оресту Друлю, Станиславу Варенко, Светлане Балакировой, Александру и Татьяне Марковым, Наталье Коломойцевой, Юрию Блащук.

Литературное редактирование *М. З. Балицкой*

Художник-оформитель *М. С. Мендор*

© А. Ю. Курков, Ю. П. Винничук, 2020

© М. С. Мендор, художне оформлення, 2020

Пролог

1942 год. Олесь Курилас оглядывается назад

Вспоминая все, что произошло с ним за последнее время, Олесь Курилас долго не мог прийти в себя, не мог собрать воедино все события так, чтобы они выстроились перед глазами четко и логически понятно, как школьники, которым дали команду разобраться по росту. События эти, хотя вроде бы уже и прошлые, вступали в его памяти в конфликт друг с другом, а он бродил между ними, как слепец, нащупывая подсказки, без которых поиск правдоподобных и убедительных объяснений произошедшего становился тщетной тратой времени.

Никоим образом он не мог предвидеть того, что с ним потом случилось. Но и забыть ту смутную тревогу и опасения, будто что-то ужасное может вот-вот произойти, он и сейчас был не в состоянии. Конечно, он одновременно и боялся, и сомневался, что что-то сможет перевернуть его мир, его жизнь. Нечто похожее он испытывал перед началом войны, когда с родителями отдыхал в Карпатах. Погода стояла замечательная, август щедро одаривал их всеми своими прелестями и красками, но в душе зарождалось стойкое беспокойство, может даже не в душе, а в самом воздухе! Оно давало о себе знать в голосах людей, которых он встречал на улицах, на рынке. В конце концов, предчувствие войны звенело в воздухе городов все громче и громче, все только и говорили о последних событиях: о захвате Австрии, о Мюнхенском сговоре, о чемберленовском «Я привез вам мир». Все мировые газеты слились в один многоязыкий источник слухов, споров, дискуссий. Все читатели и их соседи в один миг превратились в специалистов по политологии, истории, в военных стратегов и инженеров-изобретателей новейшего вооружения. Любая базарная баба, торговавшая квашеной капустой и зеленью, могла вывалить вам сходу свой безошибочный прогноз дальнейшего развития событий.

Наряду с этой набирающей силу истерией, его одолевала еще и тревога о своей собственной судьбе. Появилось предчувствие, что он не сможет отойти в сторону, чтобы всё это переждать. Более того: омрачающая уверенность в том, что этот поток подхватит и понесет его тоже, неожиданно смешалась с предвкушением будущего озарения. Будто всеобщее зло делает в итоге его жизнь ярче и лучше. Поразительно, что так оно и произошло – он в своих предчувствиях не ошибся. Война, которую все боялись и которая так и норовила выйти из-под контроля воюющих, запомнилась ему вспышкой озарения. Этот «взрыв» прогремел у него в голове и заставил на многие привычные вещи взглянуть по-другому.

И наверное именно из-за этого «взрыва» он пережил величайшее в своей жизни волнение, пережил ту любовь, которая не может вызвать взаимность потому, что она прежде всего поражает, как смертельная болезнь, того, кто влюблен, а не сам предмет влюбленности. И человек, пораженный этой «смертельной» любовью, начинает оберегать от нее ту, в которую так влюблен. Если человек осознает силу собственной любви, смиряется с ней, понимает, что эта любовь неизлечима, он начинает ее беречь. И беречь от нее тех, кого любит. Чтобы не разрушить их мир, не ворваться в их мир, как война, выходящая из-под контроля воюющих.

В то время отец Олеся, профессор Львовского университета Богдан Курилас, увлеченно исследовал участие галицких рыцарей в крестовом походе за освобождение Гроба Господня. Основным источником его исследования была хроника рыцаря Ольгерда. С этой древней рукописи все и началось. Она связала прошлое с будущим и вплела судьбу Олеся в удивительной сложности гобелен. В этом гобелене кроме его самого с Марией и с Аретой, повторяющимися элементами оказались ключи и перстни. Древние ключи и такие же древние перстни. Вечные ключи и вечные перстни, переходящие из рук и с пальцев одних смертных в руки и на пальцы других.

Да и потом, когда уже все закончилось, Олеся все равно не покидало ощущение, что эта история все еще не имеет финала, что она не может закончиться именно так. Он был уверен, что продолжение следует!

Глава 1

Киев, октябрь 2019. Пути Господни неисповедимы. Случайная крымская встреча и ее последствия

Черными археологами не рождаются. Ими становятся. Иногда в темные времена, иногда в светлые. А иногда и в серые, как нынче. И хотя нынешнее «серое время» началось не вчера, но Бисмарку, точнее – Олегу Качко, до сих пор казалось, что едва ли не вчера он впервые взял в руки саперную лопатку и под руководством старшего товарища Адика Маса снял первый слой каменистой, крупитчатой земли над могилой древнего тавра. «Стой, хватит, теперь щеткой!» – скомандовал тогда Адик, показывая пальцем на выглянувшую из-под земли полусферу черепа. Голос у Адика отличался подростковой звончатостью. Может именно поэтому Адик старался говорить тихо. Словно стеснялся собственного голоса. Там же, в Крыму, на прибрежных камнях Гурзуфа, за день до вскрытия могилы древнего тавра, вдвоем, как давние неразлучные друзья, они отметили сорокалетие Адика. Как и положено, жарили на листе жести мидий, разведя в ущелине между камнями маленький костер из выброшенных морем и высушенных южным солнцем щепок и досок. Пили дешевое белое вино, ожидая, пока из-за высокой температуры мидии сами не откроются и не закипят изнутри. Черноморские мидии солить не надо, они и так соленые!

Кто-нибудь когда-нибудь точно также «поджарит» и «съест» Олега Бисмарка и Адика. Такая вот странная мысль пришла Олегу в голову в ту подсвеченную крымскими звездами именинную для старшего товарища и наставника ночь. Как пришла, так и ушла. Только вызвала улыбку своей очевидной несуразностью. Просто пошутила. Слово «съесть» всегда имело много значений, из которых главным неизменно оставалось «утолить голод». Хотя и словосочетание «утолить голод» имело много значений, так что углубляться в поиски правильного толкования кратко посетившей его мысли Олег не стал. Он просто выпил еще один стакан вина и зажевал его горячей мидией.

Олегу за два месяца до этой звездной крымской ночи стукнуло двадцать. Он был полон сил и неуверенности в своем будущем. Эта неуверенность словно замораживала его энергию, сдерживала, тушила, иногда вызывая раздражение, иногда даже легкую депрессию. А депрессия обычно доводит человека до петли или до Крыма. Тяжелых на подъем – до петли, легких – к звону и блеску приморской жизни. Бисмарк был не просто легким на подъем! Он был легчайшим! Вот и приехал сюда развеяться и забыть о реальности. Лето, солнце, море, девушки в купальниках – это далеко не полный набор лекарств от депрессии, которые Крым всегда щедро, но за деньги предлагал каждому страждущему. Но в тот ранний вечер Олег встретил рядом с ялтинской набережной не девушку из Харькова или Сум, не какую-нибудь свежеприбывшую белокожую блондинку, а Адика, одессита, приехавшего сюда за «приятным и полезным». «Приятным», конечно, по его словам, являлось само пребывание на ЮБК, а «полезным» – черная археология, которая кормила Адика, опять же по его собственным словам, уже лет пятнадцать. Взгляд Адика остановился на Олеге, когда тот пил кофе с коньяком на террасе кафе в боковой улочке рядом с набережной Ялты. «Чего грустим?» – спросил приветливо Адик, присаживаясь за столик с бокалом бельгийского пива в руке.

Олег в тот момент действительно грустил. Он только-только приехал, устроился в деревянном флигельке во дворе частного дома в пяти минутах от моря. Расплатился с хозяином, бросил вещи и сразу поспешил на набережную вдыхать йодистый озон. Но там, на набережной, вместо привычной почти животной радости от солнца и моря на него нахлынули тревожные мысли о будущем, о том, что с сентября надо начинать жить по-другому, ведь с сентября все-

гда начинается или, по крайней мере, должна начинаться новая жизнь. Если она не началась с прошлого сентября.

Назойливые мысли лучше всего прогоняются коньяком. Цены на самой набережной кусались, и ноги вывели Олега в переулок недалеко от гостиницы «Ореанда», где он любил бывать и в прошлые приезды. Там, из-за отсутствия вида на море, коньяк становился доступнее, а кофе, довольно средненький по качеству, казался вкусным и бодрящим. И вот вместе со словами «Чего грустим?», произнесенными подростковым звонким голосом, входившим в противоречие с возрастом сказавшего, на стул напротив опустился мужчина с тонким, орлиным носом и веселыми серыми глазами, худой и длиннорукий, в шортах и в футболке с ликом Пушкина и надписью «Пушкинский Лицей».

– Да не грущу я! – ответил Олег. – Только приехал... Прихожу в себя после дороги!

И он кивнул на бокал с коньяком.

– Один приехал? – удивился мужчина, протягивая руку. – Я – Адик, из Одессы.

– Олег Бисмарк, из Киева.

– Бисмарк? – удивился Адик.

– Можно просто Олег, Бисмарк – это так, прозвище...

– Ты что, немец?

– Нет, я азартный! И родился тоже 1-го апреля.

– В день дурака?

– В день юмора!

– Ну да, это лучше! А что, Бисмарк был азартным?

– Ага, в казино любил ходить, коньяки пил!

– А! Теперь понятно! – Адик многозначительно опустил взгляд на бокал с маслянистым напитком цвета канифоли. – А я было подумал, что ты – тоже немец! Я вот – из бессарабских немцев. По паспорту – Адольф! Спасибо папочке, который говаривал «Хорошее имя, оно не виновато!» Но Адик – куда лучше! И про Гитлера со мной никто не шутит! Ну, а если ты действительно азартный, могу кое-что предложить! Как раз для азартных!

– А что? – оживился Олег.

– Ночное кладоискательство.

– Почему ночное?

– А чтобы никто не видел и чтобы никто не отобрал, если что-то найдем!

– Да, интересно! Но я сюда отдохнуть!

– Одно другому не мешает! Днем отдыхаешь, ночью ищем клад!

Что нашли они той первой совместной июньской ночью в могиле тавра, которую, подсвечивая фонариками, перелопатили в четыре руки пальцами, пропуская через них весь песок, все камешки, все комки глины, а также кости и косточки, позвонки, и прочие остаточные человеческие детали, которые сотнями лет сопротивлялись попыткам воды и земли растворить их в себе, превратить в живительную почву? Вроде бы и ничего особенного! Ну, два десятка бусинок: перламутровых и керамических – то ли с бус, или же с браслета или четок. И еще нашли удлиненный кусок ржавого железа. Адик сразу сунул его себе в карман. Сказал, что разберется с ним позже.

– Ну все, – объявил ему в тот предрассветный час Адик. – Теперь можешь считать себя археологом! Черным археологом!

– А разве не черным кладоискателем? – переспросил Олег, вспоминая первый разговор с Адиком в кафе.

– Кладоискатель – звучит по-детски! А «черный кладоискатель» – двусмысленно! Ну как, например, чернокожий археолог! – рассмеялся одессит. – Так что уж лучше будь просто черным археологом, как я! Мир ведь черно-белый! Белые археологи работают на белой его стороне, черные – на черной! Главное, чтобы они не мешали друг другу!

С той июньской крымской ночи прошло семь лет. Олег Бисмарк быстро освоил азы ночного кладоискательства. Иногда он занимался этим делом даже днем! Но в безлюдных местах. Однако относиться серьезно к этому занятию у него не получалось. Хорошее хобби, но не более того. Для жизни нужны другие способы заработка, при которых ночь можно посвятить не хождениям с металлоискателем по территориям исторических заповедников, а удовольствиям, включая крепкий постконьячный сон. Да и за все эти семь лет ничего реально ценного Олег не нашел. Но монетки, медальки, ржавые остатки шмайсеров времен второй мировой ему иногда попадались и отправлялись дальше покупателям, которых он находил в интернете. Покупатели были «мелкие», но ведь и товар у него тоже отличался доступностью и дешевизной. Торговля таким товаром скорее походила на спорт, чем на бизнес.

С Адиком они иногда встречались. Тот приезжал в Киев раз в полгода по делам и перед отъездом обычно звонил Олегу и звал его на ужин, на большой, щедрый ужин в дешевом кафе. При встречах он почти ничего не рассказывал о своей жизни. Но во время последней такой трапезы, состоявшейся в середине сентября, он неожиданно и с очевидной гордостью объявил Олегу, что через месяц станет киевлянином! Подробности пообещал сообщить позже, тогда, когда «сказка станет былью». Так и сказал.

Сказка стала былью даже раньше. Недели через две с половиной Адик позвал Олега Бисмарка поужинать в недешевый ресторан. Правда, не успел Олег как следует изучить витиеватые названия итальянских блюд, как Адик вынул из его рук меню и попросил довериться его вкусу.

– У тебя же трудовая книжка дома? – спросил он через минут двадцать, накручивая вилкой spaghetti primavera.

Олег, жуя, кивнул.

– Завтра пойдешь оформляться на работу! В Софийский заповедник.

Сотрапезник чуть не подавился. Закашлялся, прикрывая рот ладонью и глядя на Адика обиженно и недоуменно.

– Кем? Куда? – наконец прокашлявшись, спросил Олег, и в голосе его прозвучал набирающий силы скепсис.

– Дежурным электриком! – губы Адика нарисовали собеседнику самоуверенную улыбку.

– И на какую зарплату?

– Когда человек идет на работу в святое место, разве он думает о зарплате? Ты думаешь, я пошел работать в отдел культуры киевской мэрии ради пяти тысяч гривен в месяц?

Олег Бисмарк вдруг увидел в слегка прищуренных глазах Адика ответы на все свои вопросы. Увидел, успокоился, кивнул и опустил взгляд на остывающие spaghetti primavera.

– Кушай-кушай, – одобрил движение его взгляда Адик. – Черный археолог черному археологу плохого не посоветует!

Глава 2

Рукописная хроника рыцаря Ольгерда из Галича

«Хроника рыцаря Ольгерда из Галича, написанная Годом Господня 1111, когда покинули мы с Божьей помощью Святую Землю и двинулись на Русь, пробыв здесь полных двенадцать лет и потеряв половину товарищей.

Прибыли мы, двенадцать рыцарей, на Святую Землю из Галича Годом Господня 1099 на генуэзском корабле, что подобрал нас в Константинополе, и сразу попали на службу к ТанкредуТарентскому из Нормандии. Вел нас за собой князь наш Игорь, а встретил в порту Антиохии брат Лука, обретавшийся на Святой Земле уже четыре года и отзывавшийся о господине Танкреде как о храбром и отчаянном рыцаре. Он следовательно и привел нас под его благородную руку. К тому времени крестоносцы уже захватили Эдессу, Антиохию, Тель-Башир, Равендан, Латанию и другие мелкие города. Впереди нас ожидал Иерусалим.

Лето того года было засушливое и невероятно жаркое даже для местных жителей, а что уж говорить о нас, тех, кто еще не испытал в жизни такого зноя и длительного путешествия пустынными землями среди песчаных холмов, за которыми часто прятались, подстерегая нас, наши убийцы. Но воины Божии не обращая внимания на эти опасности, двинулись в поход на Иерусалим, что мне, конечно, казалось авантюрой – штурмовать город таким малочисленным войском. Тысяча двести рыцарей и двенадцать тысяч пехотинцев – этого крайне мало, чтобы окружить город и держать его в осаде, учитывая, что защитников города было гораздо больше, чем нас. Там, за воротами, скрылось египетское войско вместе с ополченцами, набранными из евреев и мусульман. Продовольствия у них было более, чем достаточно, а в подземных цистернах, наполненных до отказа, темным бархатом поблескивала пресная вода.

Мы же в странствии питались впроголодь, ели лишь сухие лепешки, обмакивая их в воду, разбавленную вином, а еще каждый получал по горсти фиников. Иногда удавалось поймать дикую козу или набрести на кусты с ягодами, но и этого хватало лишь на один зуб. Как на беду, все колодцы и источники в окрестностях Иерусалима оказались отравленными, и мы вынуждены были беречь воду, чтобы не закончилась она раньше, чем наш поход.

Дух крестоносцев поддерживало наставление Папы Урбана, они знали его чуть ли не наизусть и повторяли эти золотые слова, что вели их вперед и не давали прорасти в их мыслях ни одному семени сомнения.

– Папа рассказал о страшных вещах, что происходят с нашими братьями-христианами на Святой Земле, – вспоминал брат Лука, которому посчастливилось присутствовать в Клермоне в момент страстной речи Папы Урбана. – Он рассказывал, что на Голгофе нечестивые устраивают гулянки, а в Храме Соломона – оргии. В купель Бетсата* сливают нечистоты, Гефсиманский сад вырублен. “Если хотите Царства Небесного, то не станете больше сидеть в домах своих, а пойдете туда, где жил я, Иисус, Спаситель ваш!..” Так он говорил, как бы от имени самого Иисуса, и это произвело огромное впечатление на всех нас. Его слова обпекали до глубины сердца. Все в оцепенении, слушали Его, но не Папу Урбана – мы слушали самого Спасителя. А завершил он так: “Дети мои! Не Папа Урбан обращается к вам сейчас, а его устами говорю вам я, Иисус Христос, Сын Божий и Спаситель ваш. Возьмите оружие ваше. Я благословляю его. Возьмите доспехи ваши и щиты, я сделаю их неуязвимыми. Оденьте белые плащи и нашейте на них кресты из красной материи в знак того, что я посылаю вас на битву с моими врагами, и пусть поход ваш в Святую Землю называется крестовым, как и я шел крестным путем на Голгофу. Я прекращаю вашу вражду и взаимную ненависть. Теперь пусть улягутся войны и распри, наступит мир в сердцах ваших, и наполнятся сердца ваши ненавистью к нечестивым. Идите туда, где гроб мой взывает об освобождении! Возьмите Святую Землю себе и

обладайте ею, потому что она щедрая и прекрасная, как Царство Небесное! Отправляйтесь туда, дети мои, Аминь!”

Брат Лука умолк, а нам показалось, что мы тоже услышали слова Иисуса Христа, и дух наш вспыхнул небывалым рвением. Потому Иерусалим манил нас стремительно, всем хотелось узреть этот легендарный город, прогуляться по его улицам и увидеть тех удивительных людей, которые, как рассказывают, родились там еще тысячу лет назад и живут до сего дня благодаря чудесному эликсиру. Нам изо всех сил хотелось убедиться в правдивости того, о чем рассказывал брат Лука: действительно ли источник Силоам у горы Сион бьет не постоянно, а только три дня в неделю?

Когда мы приблизились к городу, нам навстречу вышли христиане, которых специально выгнали за стены, чтобы принести нам еще больше хлопот. Было среди них немало женщин и детей, и все они прибились к нам в поисках не только опеки, но и пищи, и воды.

Осажденные чувствовали себя бодро, кроме хорошего оружия имелся у них и греческий огонь.

Подавляющее большинство нашей армии составляли франки, но были также гунуэзцы, норманны, фламандцы и мы, галицкие русины. Большинство франков своих лошадей уже съели и из рыцарей превратились в пехотинцев, однако мы своих лошадей берегли. Это были гуцулики, горные приземистые лошадки, очень выносливые. Франки не раз удивлялись, как наши кони ловко поднимаются на холмы, как могут часами скакать без усталости и как долго обходятся без воды.

Командовал нами Раймунд, граф Тулузский, храбрый, упрямый и довольно глупый. Были еще и другие знатные господа, каждый из которых имел свое войско. Они разбивали свои лагеря напротив различных ворот: герцог Роберт Фландрский напротив Дамасских, герцог Роберт Нормандский, сын Вильгельма Завоевателя, прозванного Толстоногим – у ворот Ирода, герцог Нижней Лотарингии Готфрид, граф Бульонский – у Яффских ворот, а с северо-восточной стороны расположился Танкред Тарентский.

13 июня, по наущению отшельника, который пересказал нам свои заманчивые видения, попытались мы пойти на штурм и сгоряча спустились в глубокий ров, который окружал город. Нас осыпали роем стрел, на головы полетели камни, полились горячая смола и масло. Мы понесли тяжелые потери и вынуждены были откатиться на свои прежние позиции. Отшельника хотели казнить, но он исчез. Что же, мы не были готовы к штурму, нам не хватало лестниц, катапульт, как и камней, которыми можно было бы разбивать стены. Молодые деревца, которые росли неподалеку, не годились ни на лестницы, ни на катапульты.

Единственная польза неудавшегося штурма – это количество стрел и камней, которыми нас пытались поразить. Их было куда меньше, чем при штурмах других городов, что свидетельствовало о не слишком большой численности гарнизона.

К счастью, 17 июня в Яффу прибыли гунуэзские корабли. Они привезли готовые катапульты, однако их было мало, поэтому и сами корабли мы разобрали на доски и брусья, и привезли в Иерусалим. Здесь уже наши плотники построили большие осадные башни на колесах, оснащенные откидными мостиками и катапультами.

В ту пору мы уже достигли крайней степени человеческого терпения. Жара и сухой ветер, засыпавший глаза песком, истощали и нас, и лошадей, а воды оставалось все меньше. Но мы отчаянно бросились строить осадные башни, лестницы, катапульты, тесать каменные ядра, вырезать стрелы. Работа кипела день и ночь. Христиане, изгнанные из Иерусалима, помогли нам в меру своих сил, даже женщины и старики трудились, сшивая вместе шкуры животных. Этими шкурами, вымоченными в воде, мы накрывали наши катапульты и башни, чтобы защитить их от греческого огня. Священники поддерживали наш дух, укрепляя его молитвами.

Но 6 июля брат Лука, который был самым старшим среди нас и уже побывал во многих битвах, поведал, что тоже имел видение – явился ему дух знаменитого епископа Адемара де

Монтейля, который умер в прошлом году от тифа на его руках. Дух епископа, чтимого всеми крестоносцами, призвал нас три дня соблюдать пост, а затем обойти босыми ногами вокруг стен Иерусалима, как когда-то обошел вокруг Иерихона Иисус.

Предыдущее видение многих из нас ввергло в уныние, но поскольку новое ничем опасным не грозило, мы после поста вечером 8 июля обошли величественной процессией вокруг стен с трубами, знаменами и оружием. Во главе шли епископы со священными реликвиями, а за ними войско с хоругвями, крестами и факелами, шли медленно и торжественно, а со стен раздавались проклятия. После этого мы собрались на горе Елеонской, где похоронена Богородица, и отбыли службу Божью, а проповедники призвали нас прекратить распри и всем господам нашим помириться. Далее мы остановились в Гефсиманском саду и читали вслух Евангелие. Затем двинулись вдоль Кедронского потока, прошли могилы Абесалома, Иосафата и Захарии, купель Силоамскую, чьими водами исцелил Христос слепого. И здесь был зачитан соответствующий отрывок из Евангелия, а потом каждый из нас омыл лицо. Далее мы подошли к могиле пророка Исаяи и помолились ему, а пройдя стену Давида, спустились в долину Энном. И торжественность, с которой осуществлялся этот поход, яркие звезды над головой и полный, словно улыбающийся, месяц наполняли нас верой и силой, способной в любой момент бросить нас на приступ. И момент этот наступил на рассвете, ознаменовав собою завершение нашего похода.

Наши катапульты начали сыпать каменными ядрами без остановки, стены крошились, а защитники повывешивали на стенах мешки с хлопком и сеном, чтобы смягчить удары. Сарацины стреляли из луков, но стрельба их уже не имела никакого смысла».

Глава 3

Киев, октябрь 2019. Азартная ночь дежурного электрика

Работа дежурного электрика, как оказалось, не требовала особого напряжения. За три дня и две ночи Бисмарк только того и сделал, что поменял три лампочки. Правда, пришлось ему на каждую потухшую лампочку писать отдельный некролог – акт на списание, так как сгорели они не одновременно, а по очереди. Но таких актов Олег нашел в шкафу для инструментов целую стопку, лежали они в картонной коробке. Так что ничего выдумывать не пришлось.

Эта октябрьская ночь выманила Олега Бисмарка из подсобки во двор не столько своим необычным теплом, сколько тщательно подготовленным планом действий. План готовил Адик Маас. Готовил щепетильно, как военную операцию. Приходил раза три в качестве экскурсанта, покупая билетик только на территорию без посещения собора и музеев. Вызывал мобильником Бисмарка. На электрика в спецодежде никто не обращал внимания. Спецодежда и электрика, и сантехника отбивает у прохожих интерес заглядывать такому человеку в лицо. Спецодежда и есть его лицо. Более того, если рядом с человеком в спецодежде электрика стоит обычно одетый человек, на него тоже внимания не обращают. словно эта спецодежда делает все вокруг себя невидимым.

Во время своих появлений Адик водил Бисмарка по желтеющей траве к внутренней стороне кирпичной стены монастыря, сразу за которой лежала Софийская площадь, самая древняя площадь Киева, гудящая днем и удивительно тихая ночью.

– По моим расчетам, копать надо вот тут, десять метров от стены, – снова повторял Адик, геометрически жестикулируя над землей. – Сначала режешь лопаткой траву на квадраты, чтобы можно было потом положить ее на место, а дальше уже как обычно. Ты же знаешь!

Олег слушал, кивал и вздыхал. Именно в этой последовательности. Можно было подумать, что затея, придуманная одесситом, ему не нравится. Но тот так не думал и на вздохи собеседника внимания не обращал.

И вот накануне Адик позвонил Олегу.

– Ты же этой ночью дежуришь? – спросил.

– Да.

– Отлично! Значит, этой ночью будешь копать! В два! Я на всякий случай буду недалеко.

Если что, позвонишь!

– А что искать?

– Золото и бриллианты! – шутливо ответил Адик. – Ну и любое старое железо! Но только очень старое!

Олег Бисмарк и сам несколько раз подходил к указанному Адиком месту и, казалось, видел этот более или менее точно очерченный одесситом прямоугольник травы, вроде бы прятанный под собой древнее погребение.

– Неужели кто-то из княжеской семьи? – Бисмарку в эту догадку и верилось, и не верилось. И когда не верилось, то чувствовал он себя поспокойнее. Ведь если речь шла действительно о княжеском захоронении, то почему его до сих пор не нашли, если оно тут, прямо под ногами, под древней стеной, в каких-то двадцати метрах от входных врат? – Нет, – мысли продолжали вести Бисмарка по тропе сомнений. – Княжескую семью хоронили бы в соборе, там, где саркофаг Ярослава Мудрого! Тут, под стеной, закопали бы кого-то менее важного! Но кого?

Без пяти два ночи, последний раз прислушавшись к тишине, Бисмарк с саперной лопаткой в руках опустился на корточки в десяти метрах от стены. Наточенным клинком он нарезал траву с дерном на крупные квадраты, поддел снизу и снял, как скаल्प, сложив в две неуклюжие

стопки. Теперь перед ним в относительном полумраке, оживленном неярким светом фонарей, явным коричневым прямоугольником лежала оголенная земля.

Он копнул лопаткой. Клинок скрежетнул по камням и даже, вроде бы, по железу. Разворошил выкопанную землю пальцами, нащупал несколько камешков и ржавую гайку. Копнул еще раз и еще раз. Кучка выкопанной земли росла, но ничего интересного Бисмарк в ней пока не находил. В принципе, он знал, что верхний слой земли обычно ничего интересного в себе не скрывает. Копать надо глубже! Только ведь копает он не в крымском кустарнике, а на территории исторического заповедника! За это, наверное, можно и в тюрьму угодить!

Отгнав неприятные мысли, Олег окунул взгляд вниз. Прямоугольная яма углубилась уже на сантиметров сорок. Бисмарк осветил ее дно фонариком мобильного телефона.

– Эту землю за тысячу лет уже столько раз ковыряли и переворачивали! – подумал, заметив матовый блеск явно бутылочного стекла.

Губы сами сложились в саркастическую ухмылку. Но он все-таки снова копнул лопаткой и землю из нового слоя высыпал отдельно от кучи. Разворошил ее пальцами. Среди привычных камешков и сыпучей сухой почвы пальцы ощутили что-то необычно округлое и холодное! Бисмарк снова включил фонарик, сам наклонился к земле, чтобы ничего не пропустить из того, что будет освещено его ярким светом. Провел ладонью по выкопанной земле, словно размазывая ее по траве, и тут ладонью еще раз ощутил укол металлического холода. Пальцы поднесли к глазам комок глины размером с грецкий орех. Один бок этого «грецкого ореха» блеснул золотом. Олег впилился в восторге в ободок и край перстня-печатки. Попытался очистить находку от глины, но глина словно окаменела, пальцами освободить от нее перстень Бисмарку не удалось. И он опустил находку в карман куртки. В руках появилась сила. Он принялся за раскопки более сосредоточенно, подсвечивая себе непрерывно фонариком мобильного телефона. Вскоре в его руках оказались тонкие косточки фаланг пальцев руки. В россыпь. Испугавшись, что он повредил скелет, Бисмарк отложил лопатку и стал пропахивать верхний слой согнутыми «граблями» пальцами правой руки. Очень быстро понял, что скелет был нарушен раньше, а значит, эту могилу уже точно раскапывали! Почему же не нашли перстень? Наверное потому, что делали это тайком и впопыхах. Как и он сейчас! А это в свою очередь означало, что Бисмарк мог найти еще что-нибудь интересное!

Часы показывали начало четвертого. Лопата лежала на траве. Дальше черный археолог работал руками. Из уважения к смерти Бисмарк складывал косточки в отдельную кучку. Тут уже были и переломанные ребра, и позвонки, и часть кости таза. Бисмарк уже отчетливо понимал, что он выкапывает то, что уже было как минимум один раз перелопачено! Возможно, что изначально все это подняли с большей глубины! Но почему потом снова сбросили в яму и прикопали? Почему не нашли перстень?

– Интересно, что они тогда нашли? – продолжал думать он о своих предшественниках. – Может, что-то большое, более ценное? Меч или щит? И поэтому не было у них стимула искать артефакты помельче?

Мгновенная зависть к неизвестным предшественникам пришла неожиданно, но очень быстро покинула его мысли. Потому, что пальцы опять на что-то наткнулись. Двумя руками принялся Бисмарк углублять почву вокруг найденного предмета, похожего на рукоять меча, вертикально загнанного в землю. Он снова попробовал потянуть находку на себя, но она сопротивлялась. Тянуть сильнее Бисмарк не хотел, зная, какой хрупкой бывает сталь, пролежавшая в земле сотни лет. Он аккуратно расширил лопаткой зону раскопа вокруг находки. И снова, отложив инструмент, продолжил углублять раскоп руками. Опять попробовал пошатать рукоять. Показалось, что она сдвинулась. Осторожно Бисмарк вытащил из земли черный длинный предмет, который мог оказаться и простой палкой, и верхней частью посоха. Попробовал очистить его от земли и глины, но и тут Бисмарка ждала неудача. Опустив находку на траву, он вернулся к раскопу, работая только руками, добавляя в кучку костей древнего покойника все

новые и новые. Не прошло и пяти минут, как в руках у Бисмарка оказалась подозрительно тяжелая грудка глины, явно скрывающая что-то внутри.

А часы показывали без четверти пять. Небо начинало светлеть. Едва-едва, но все-таки заметно для человека, пробудрствовавшего всю ночь.

Грудка опустилась в карман к перстню. Выкопанные кости Олег аккуратно опустил в угол ямы, потом уже довольно поспешно ссыпал почву обратно и накрыл потревоженную могилу квадратами дерна с подсыхающей травой.

Поначалу ему показалось, что любой турист, идущий по дорожке, ведущей от входа к собору, заметит, что тут копали. И до окончания своей смены Бисмарк жил с этим страхом. Однако уже сдав смену в восемь утра, он специально прошелся до закрытых главных ворот и внимательно посмотрел оттуда на место ночного раскопа. При ярком утреннем свете определить оттуда, где выкапывали яму, он не смог. И, успокоившись, отправился к боковому служебному входу, поправляя висевшую на плече сумку с продолговатой, покрытой окаменевшей глиной находкой. Вышел на Владимирскую и поспешил в сторону оперного театра.

Глава 4

«Хроника рыцаря Ольгерда», без которой трудно понять то, что произойдет много позже

«Теперь наши завалили ров хворостом и камышом, потом перетащили через ров три башни и поставили их у самых стен. Лучники, прячась за забрами, сеяли смерть в рядах сарацин. На Елеонской горе были установлены зеркала, которыми передавались сигналы, чтобы одновременно начинать штурм из разных мест. В полдень в пятницу 15-го башня, на которой находился Готфрид, выстреливая из арбалета стрелы одну за другой, наконец приблизилась вплотную к стене. Франки перебросили на край стены мостики, и два брата-рыцаря первыми спрыгнули на нее, за ними соскочил Готфрид. Все трое потом клялись, что своими глазами видели, как рядом с ними бьется покойный епископ Адемар. Он снова сотворил чудо, потому что подсказал нашим, как открыть изнутри Дамасские ворота, в которые тут же ворвался Танкред со своими нормандцами и бросился в атаку узкими улочками Иерусалима. Вместе с Танкредом побежали и мы, рубя врага без усталости и без жалости.

С юга, от горы Сион, наступал Раймунд Тулузский и скоро загнал наместника сарацин вместе с воинами в Цитадель и заставил сдаться в обмен на обещание сохранить жизнь ему и его людям. Тем временем остальные защитники, спасаясь от Танкреда, побежали на Храмовую гору. Сарацины заперли ворота на Храмовой горе и попытались защищаться, но воины Танкреда пробившись на священную храмовую площадь, забитую толпой простолюдинов.

Не знаю, то ли голод и жажда, то ли жара и те посушливые ветры сделали из нас безжалостных исчадий ада, но бойня продолжалась еще несколько часов. Франки, генуэзцы, нормандцы, фламандцы и мы, грешные русины, обезумевшие от ярости, убивали всех, кто только случался под руку, отрубая головы, руки, ноги, даже те руки, что молили о милосердии. Кровь врагов нас пьянила, мы утопали в ней, рубя не только вооруженных врагов, но и простолюдинов, не пропуская ни женщин, ни детей, вырывая младенцев из рук матерей и разбивая их о стены. Все вокруг нас падали замертво, а мы скользили в той крови, иногда падали, но тут же снова вскакивали на ноги и продолжали свою жатву.

Некоторые так увлеклись, что не убивали сразу, а обрезали несчастных, как деревья, по частям. Другие разожгли большой костер, подлив в него черной смолы, и в тот костер живьем бросали людей, а когда живых рядом не оказывалось, то бросали и мертвых.

– Зачем их сжигают? – спросил я у одного рыцаря, а тот объяснил:

– На это есть причина: многие из них глотали золотые монеты. Когда трупы стоят, золото можно будет легко добыть. Это намного удобнее, чем вспарывать животы и копать в мясе. Разве нет? – И рассмеялся, добавив: – После этой бойни другие города поймут, что сопротивляться нам – это быть обреченными на смерть!

Вонь паленого тела за клубилась над головами. Улицы покрылись кучами отрубленных голов, рук и ног. Так, что даже ходить, не спотыкаясь об эти конечности и головы, было затруднительно. Евреи, спрятавшиеся в синагогах, сторели заживо.

Но нашей главной целью был храм Гроба Господня, и шли мы к нему, превратившись в мощный таран, с неумолимостью вулканной лавы. В конце концов, мы пробившись к его вратам, в которые был врезан массивный железный замок. Гроб находился внутри. Христиане, выбежавшие из своих домов, объясняли, что не знают, у кого ключ от замка, и что сарацины уже не раз пытались проникнуть туда, но замок не поддавался. Нетерпеливые рыцари бросились выбивать замок рукоятями мечей, но эти старания оказались напрасными. Тогда один из местных христиан вынул из кармана гвоздь, вставил его в отверстие и сказал бить по нему, но

и это ничего не дало. Кто-то принес тяжелый молот, начали бить молотом, дверь треснула в нескольких местах. Казалось, она вот-вот развалится.

Неожиданно к храму приблизилась высокая худая женщина в черном платье, лицо ее скрывалось под черным платком, что нависал над глазами. Мы расступились перед ней, потому что в руке она держала ключ величиной с ладонь. Она вставила его в замок, повернула, ворота открылись и под натиском рыцарей тут же вывалились из петель. Замок выпал, а женщина вместе с ключом отошла. О ней сразу забыли.

Поспешно мы вошли в храм, внутренний вид которого противоречил внешнему. Здесь все было пышно и величественно. В центре храма в широкой ротонде разместился Гроб Господень, а в нем камень, на котором лежало тело Сына Божьего после распятия.

Мы упали на колени и поблагодарили Господа за Его великую милость. А после этого нас ждала новая сеча. Особенно ожесточенный бой разгорелся у башни Давида, которая долго не продержалась и открыла нам свои ворота.

Тогда сарацины бросились прятаться в мечети Аль-Акса, но крестоносцы ворвались и туда на лошадях и пешком, и перекололи и изрубили всех, кто там был. Потому что произошло это по справедливому приговору Господа, и те, что оскверняли святыню своими языческими обрядами и лишили христиан доступа к ней, очистили ее теперь своей кровью и поплатились жизнью за свое преступление.

Забито было десять тысяч сарацин. В конце Танкред послал свой флаг уцелевшим тремстам сарацинам на кровле Аль-Аксы, бывшем храме Соломона, обещая защиту. Он действительно прекратил бойню, за то ему спасенные мусульмане показали сокровища Храмовой горы. Но на следующее утро назло Танкреду люди Раймунда поднялись на крышу Аль-Аксы и перебили все три сотни мусульман. Так Раймунд отомстил Танкреду за то, что тот первым ворвался в город, и поэтому его воины получили больше побед.

В конце той бойни мы, заляпанные кровью, походили на чудовищ. Некоторые не могли остановиться и выискивали по разным закоулкам несчастных, которые пытались спрятаться, вытаскивали их и убивали на месте. Каждый крестоносец знал, что он сможет завладеть всем, что захватит, может даже завладеть целым домом, если повесит на нем свой щит. Поэтому и разбрелись все в поисках пищи и иной добычи, и снова лилась кровь, раздавались крики и плач.

В городе воцарилась духота и вонь, уцелевших сарацин заставили убрать трупы и сжечь, но убрать все так и не удалось, и этот запах еще долго господствовал над городом, а по некоторым улицам невозможно было пройти, не затыкая нос и не закрыв рот.

С тех пор нам пришлось вместе с Танкредом еще изрядно повоевать и с мусульманами, и с византийцами, и с христианами, потому что господин наш все время пытался увеличить свои земли, не имея ни минуты покоя.

Те все битвы нас сильно выморили, и из двенадцати нас осталось семеро, и мы уже начали размышлять над тем, как покинуть Святую землю. Одно дело воевать с неверными, а другое – с христианами. И вот в последний год нашего пребывания здесь, а именно 1111, произошло одно странное событие, которое так перевернуло мою жизнь, что я и не знал: суждено мне вернуться домой живым или нет.

Поступила к нам весть, что мощная сельджукская армия султана Мухаммада приближается к границам Эдесского графства. В прошлом году мы их наступление успешно отбили, а в этом году султан назначил командующим своей армии храброго и безжалостного властителя Мосула Мавдуда ибн Алтунташа Мосульского. Силы франков были значительно скромнее, поэтому мы закрылись в наших крепостях и ждали. К счастью, сельджуки не имели подходящих военных приспособлений, чтобы штурмовать Эдессу и Тур-Башир. Они постояли далеко на холме так, чтобы их было хорошо видно, погарцевали перед нашими стенами, вызывая рыцарей на поединок, но никто из наших не соблазнился на их такие мелкие хитрости. В конце концов, Мавдуд отвел армию в Алеппо, хотя некоторые его воеводы протестовали и

настаивали на осаде Эдессы. А потом у него начались другие хлопоты – властитель Алеппо отказался открыть перед ним ворота. Это вызвало еще большие раздоры в его войске, и, в конце концов, армия рассыпалась, а Мавдуд вынужден был отступить к Шайзару.

Наш господин Танкред Тарентский, получив поддержку от короля Балдуина I Иерусалимского и триполийского графа Бертрана, повел свое войско через Апамею на Шайзар. Но мы не поддавались на провокации сельджуков и не вступали в бой, расположившись на высоком холме и ограничиваясь лишь перестрелками. Стрелы летели в одну и в другую стороны, не причиняя никому особого вреда. Иногда кто-то рвался на поединок, щеголяя своей ловкостью и владением конем и оружием, но сходились они с врагом в поединке крайне редко. Как враги, так и мы, отправляли отдельные отряды на охоту, чтобы прокормить войско. Несколько раз наши разбивали их охотников вдребезги, и враги вынуждены были голодать.

Так прошло две недели, пока эта ленивая битва не закончилась тем, что Мавдуд вынужден был вернуть свое войско домой, а мы, тоже чувствуя усталость и нехватку продовольствия, отступили к Апамее.

Хоть и не состоялась решающая битва, но это была наша победа, потому что мы объединились, показали свою силу и заставили врага отступить. После этого войско разделилось, а мы, решив окончательно покинуть Святую землю, пристали к графу Роджеру, который сначала намеревался идти в Иерусалим, но затем передумал и остановился в Назарете. Здесь мы с ним попрощались, он нам выделил четырех мулов, чтобы могли мы положить на них нашу добычу, воду и продукты».

Глава 5

Киев, октябрь 2019. Заплаканная девушка в поисках душевного собутыльника

Тот отрезок улицы Франко, где жил Бисмарк, годился и для ленивых, и для слишком бодрых. Каждый раз при выходе из дома, у Олега появлялся выбор – «катиться» вниз в сторону Владимирского Собора или карабкаться вверх на Ярославов Вал, где, конечно, соблазнов в виде кафешек и баров имелось побольше, но для этого требовались энергия и желание. Поэтому любой «прогулочный» выход Бисмарка из дому начинался с выбора: вверх или вниз? Вверх было ближе, но труднее, вниз, даже если только до Хмельницкого, было легче, но чуть дальше и намного скучнее, если речь шла о месте для завтрака или кофейного уединения. Все «деловые» выходы вели вверх, ведь короткий путь к ближайшей станции метро пролегал через Ярвал.

Иногда Олег задумывался: как же тут жила свои последние годы его тетка, тетя Клава, от которой он и получил квартиру в наследство? Дом на склоне на самом деле ей не оставлял выбора. Когда ей исполнилось шестьдесят семь, она перестала отходить далеко от парадного. Сидела на скамеечке. Еще через пару лет перестала спускаться с третьего этажа, переложив заботы о покупке продовольствия на социальных работников. Летом сидела на балконе, зимой на кухне у плиты, грелась. Родители Олега к ней навещались нечасто. Они вообще Киев не любили. Да и тетку, кажется, тоже. Сидели в своем Чернигове, как и сейчас сидят. В хрущевке на первом этаже. Окна за железными решетками «от воров», если вдруг по ошибке сунутся. Красть-то у них нечего! Мать всю жизнь педиатром в поликлинике, отец – школьный учитель истории, который все детство Бисмарку разукрасил рассказами про Римскую империю и государство Урарту. Олег слушал его очень внимательно в десять лет, вполуха в тринадцать и перестал слушать в пятнадцать, когда начались его тинейджеровские конфликты с родителями. Жить за решетками на окнах в тесной хрущевке первого этажа с родителями-интеллигентами стало невыносимо. Поздним утром после выпускного, когда голова еще шумела от шампанского и бессонной гульбы до рассвета, отец и мать позвали его, еще не совсем вменяемого, на кухню и поставили перед выбором: университет или работа! Конечно, он поступил не разумно, но что еще можно было ожидать от только что попрощавшегося с десятилетним школьным сроком подростка? Он послал их матом, влез ногами в сандалии и хлопнул дверью.

Пару дней пожил у приятеля, не отвечая на звонки мобильного. Потом все-таки вернулся. И удивился, что возвращение блудного сына не вызвало новый скандал. Родители его встретили насупленные, но тихие. У отца в глазах даже прочитывалась скорбь.

– Тетя Клава умерла, – сообщил отец.

Видимо, в семнадцатилетнем возрасте человек не особенно верит в существование смерти. Во всяком случае, сообщение поначалу только спровоцировало давние и недавние воспоминания, ведь Бисмарк частенько удирал из Чернигова в Киев пошляться, и если загуливал, то ночевал у нее, у двоюродной сестры отца. Она к нему относилась по-доброму. Даже денюжат иногда подбрасывала из своей пенсии.

– Тетя Клава умерла, – повторила раздраженно мама, не заметив на лице у сына полагающуюся в таких случаях скорбную мину. – И оставила тебе наследство! Квартиру! – добавил отец.

– Надо будет оформить все документы на квартиру, продать ее и купить тут, рядом с нами. У нас квартиры дешевле, можно, наверное, трехкомнатную найти!

– Вы что, с ума сошли? – взорвался тогда Олег. – Продавать квартиру в Киеве, чтобы купить в Чернигове? Да никогда в жизни! Если это моя квартира – я буду в ней жить!

Так Бисмарк стал киевлянином и еще ни разу об этом не пожалел. Правда, с родителями отношения охладели. Звонили они ему только по праздникам и начинали разговор всегда с упреков и обвинений. «Тебе на нас наплевать!» – эта фраза обязательно должна была прозвучать в начале. Потом мама его срамила за легкомысленное отношение к выбору профессии. «Про тебя же все спрашивают! И что, я должна им говорить, что ты работаешь курьером в интернет-магазине? Это же ужас какой-то!»

– Надо ей позвонить и сообщить, что моя карьера пошла вверх и я уже стал дежурным электриком! – усмехнулся в мыслях Бисмарк, вспомнив традиционные мамыны укоры в свой адрес.

Обычно после ночной смены Олегу хватало четырех-пяти часов сна, чтобы восстановиться. Но в этот день азарт, спровоцированный ночными находками, поднял его с дивана уже к полудню. Он расстелил на письменном столе газету, выложил на нее трофеи, достал набор привычных инструментиков, которыми пользовался для очистки найденных в земле медалей, монеток и прочего. Набор состоял из стоматологических штопферов и кюреток, а также обязательных для последней стадии очистки щеточек со щетиной из проволоки разной жесткости. Глина и другая земляная налип с железа второй мировой войны очищалась обычно не без труда, но относительно легко. Тут же он имел дело явно с «налипью» более древней, многовековой, поэтому и перстень взял пальцами с особой осторожностью, и штопфер выбрал покрепче – таким можно лошадиные зубы раздвигать! Стал процарапывать штопфером дырку, в которую когда-то входил палец владельца перстня. Окаменевшая глина не поддавалась, но острое инструмента все-таки оставляло на ней следы. Отложив стальной «карандаш» штопфера в сторону, Олег пододвинул к себе стоматологический электробур. Включил, поднес его головку к перстню, словно к зубу. Легкое жужжание работавшего вхолостую бура сменилось на более тяжелое. Несколько раз придавив бур к глине, Бисмарк поднес перстень к глазам. Включил себе в помощь настольную лампу. След от бура удручил черного археолога. Если глина действительно окаменела, то бороться с нею придется, в конце концов, не буром, а сверлом. А это для перстня ой как опасно! Возьмет он, и вместе с камнем на мелкие кусочки расколется!

Длинный предмет, покрытый такой же глиной, Олег решил пока вообще не трогать. Вместо этого посидел с полчаса над грудкой, в которой вроде бы что-то «пряталось». Пробовал ее легонько постукивать стоматологическим молоточком, надеясь случайно найти слабое место, в котором грудка расколется. Но очень скоро он вообще засомневался в том, что она может в себе что-то скрывать. «Что снаружи, то и внутри!» – решил он. Но все-таки определенные сомнения по поводу этой грудки оставались, ведь весила она как бы тяжелее, чем обычный камень соответствующего размера.

Утомившись от бесплодных попыток увидеть находки в первоначальном виде, Олег прилег на диван и вздремнул. Ему даже что-то снилось, но тут уютную тишину взорвал звонок мобильного.

– Привет! – прозвенел юношеский голос одессита. – Я устал ждать!

– А, извини, я пришел и сразу уснул! – принялся оправдываться Бисмарк.

– Мне бы твои нервы! Ну раз я уже тебя разбудил, то рассказывай! Что нашел?

– Что нашел? – переспросил Бисмарк, лихорадочно думая: о чем Адику рассказывать, а о чем нет. – Да нашел кое-что, но не такое, что аж ах! Поэтому и не звонил!

– Ну а что все-таки?

– Давай я тебе лучше покажу!

– Не покажу, а передам! – поправил его Адик. – Тебе с такими вещами лучше быть поосторожнее, а я знаю, что с ними делать!

– Ну ладно, передам!

– Когда и где? Могу через полчаса к тебе подойти

– Нет, давай лучше в кафе! В «Ярославе», через час! Мне надо еще в себя прийти!

В ванной комнате Бисмарк подставил голову под струю холодной воды. Хватило минуты, чтобы вызванная водой бодрость стала расползаться по всему телу.

В сумку он положил грудку глины и продолговатый предмет. А перстень спрятал в нижний ящик стола, решив оставить его для себя, как самое ценное из найденного. Все-таки это он, а не Адик полночи копался в земле, это он рисковал. И, рисковал, наверное, не выговором или увольнением с должности дежурного электрика! Эта должность ему и даром не нужна! Рисковал он, скорее всего, собственной свободой! Ведь за такие дела могут и посадить! А свобода для него – главная, первичная ценность! После по рангу ценностей стоит квартира тети Клары, ставшая его киевским жилищем, дальше все-таки семья, какие-никакие, но родители, которые сделали для единственного сына все, что могли, пока он был маленьким: снабдили его только хорошими воспоминаниями о детстве и не очень-то драматическими воспоминаниями о школьной юности.

Поднимаясь по улице Франко вверх, Олег понял, что как-то слишком быстро собрался, а значит и в кафе придет раньше, чем надо. А раньше, чем надо, ему туда не хотелось.

На углу Ярославова Вала и Франко он остановился у газетного киоска. Осмотрелся по сторонам. Взгляд сам замер на девушке, что как-то потерянно стояла совсем рядом. Прилично одетая, в джинсах и недешевой ярко желтой ветровке, она, почувствовав на себе взгляд, посмотрела на Олега заплаканными глазами.

– Вы со мной не выпьете? – спросила жалостливо.

«Черт, развести на бабки хочет», – подумал Бисмарк.

– Извините, у меня встреча!

– Вы не подумайте, – она вытащила из кармана куртки-ветровки пачку гривневых пяти-соток. – Я сама могу вас угостить!

От неожиданности Бисмарк пожал плечами. Посмотрел на часы.

– Ну, полчаса у меня есть, – произнес уже мягче.

– Можем прямо сюда, – кивнула она на вход в подвальный ливанский ресторан.

– Два «Хэннэси», – скомандовала она бармену, как старому знакомому, усаживаясь на высокий табурет.

Бисмарк устроился рядом. «Ничего себе», – подумал о заказанном коньяке.

Бармен оказался расторопным.

Она пригубила, и тут же ее глаза засветились другим, более спокойным светом.

– Спасибо! – кивнула Бисмарку.

– За что?

– За участие! Как тебя звать?

– Олег.

– Олешка, – протянула она и снова пригубила. – У меня шеф был Олег. Жалко, убили его!

Бисмарк раскрыл рот, но как-то мысли смешались, и вставить очередное слово в разговор он не смог. Пригубил «Хэннэси».

– А чего убили? – все-таки поинтересовался.

– Там, может быть, и я виновата, – начала было говорить девушка и вдруг махнула рукой, замолчала.

– А тебя как зовут? – спросил Бисмарк.

– Рина.

– Это как Катерина?

– Нет. Родители меня почему-то назвали – Рия. Мне это вообще не нравилось с самого детского садика. Я, когда паспорт делала, поменяла.

– Рия? – в недоумении повторил Бисмарк. – Это как Мария? Чего это они тебе пол имени дали?

– Уже не спросишь! Разбились в машине! Давно. Отправили меня в лагерь на море. А когда я возвращалась на поезде, выехали забрать на вокзал и всмятку! На них «Камаз» налетел... Но потом один знакомый отца на поминках напился и прошептал мне на ухо, что они мне не родными были. Что удочерили. Документов об удочерении я не нашла. Дядя наоборот, убеждает, что родители родные и что он ездил с отцом в роддом забирать меня с мамой!... Фигня какая-то!

– Ничего себе! – удивился рассказанной драме Бисмарк. – У тебя в жизни, как в кино!

– Хуже! – твердо заявила Рина. – В кино бы я сейчас была богатой и счастливой, и муж у меня был бы супермен с «Теслой»!

– Ну так у тебя же деньги есть, так что ты уже богатая!

– Деньги и счастье, это как чай с кофе – почему-то не смешиваются. А если смешать, то пить невозможно! Была б я счастливой, стала бы я первого встречного в бар звать!

Олег обиделся. Посмотрел на недопитый коньяк. «Может оставить его на хрен да и уйти? – подумал. – Похожа на богатую пьяницу! Наверное, муж или приятель выгнал из дому! Поэтому и стояла у киоска!»

– А ты вообще-то чем занимаешься? Чем-то для души? – спросила она вдруг.

– Почему для души?

– Потому что денег у тебя нет!

– Ну да, можно сказать для души! Археологией.

– Археолог? – оживилась она.

Бисмарк вздохнул.

– Не совсем археолог. Это вроде хобби. Я – черный археолог, – признался он вдруг и тут же пожалел о сказанном.

Рина не удивилась, Улыбка сделала ее лицо добрее.

– Знаешь, мы с тобой друг другу подходим, – смешливо прошептала она.

– Почему?

– Оба черные!

– В каком смысле?

– Ну ты – черный археолог, я – черный бухгалтер...

– А что такое «черный бухгалтер»? Ты что, тоже ночью работаешь?

Такого звонкого смеха Бисмарк не слышал давно. Даже неудобно стало, показалось, что все вокруг обернулись в их сторону, хотя на самом деле никого рядом не было и только бармен протирал бокалы, но и он в их сторону не смотрел и находился достаточно далеко, так что слова, вызвавшие у Рины приступ смеха, он вряд ли услышал.

Мобильник Бисмарка затрезвонил.

– Черт! – вырвалось у Олега.

Он спрыгнул с табурета.

– Ты куда? – забеспокоилась Рина.

– Опаздываю, товарищ ждет. Тут, рядом!

Рина неожиданно схватила Олега за запястье и сильно сжала, словно не хотела его отпускать. От неожиданной боли он выдернул руку и удивленно посмотрел на девушку.

– Извини! Ты же потом вернешься? Я, наверное, еще буду тут!

– Постараюсь! – С подозрением во взгляде, бросил на ходу Олег.

Адик, услышав, что причиной опоздания Бисмарка стало неожиданное знакомство с девушкой, сердиться не стал. Грудку окаменевшей глины и продолговатый предмет он аккуратно переложил из Олежкиной сумки в свой рюкзак. Потом поднял на младшего товарища сосредоточенный взгляд и спросил: «Это все, что ты там нашел?»

– Там уже много раз копались, – ответил Бисмарк. – Может и это – чепуха какая-то, а не то, что ты хотел! Я попробовал почистить, ни фиги не вышло! Как камень!

– Ничего, может у меня получится?! – самоуверенно проговорил Адик. – В любом случае сообщу!

– А что мне делать дальше? – неожиданно спросил Олег.

– В каком смысле?

– В смысле работы? Можно увольняться оттуда? Я же ни хрена не зарабатываю, а жить как-то надо! Меня вон уже девушки из жалости коньяком угощают!

– Нет, – Адик перешел на серьезный тон. – Потрудись еще! Недолго! Вот тебе премия, – он вытащил из кармана три сотки в евро. – Держи и ни в чем себе не отказывай! О! А что это у тебя? – он уставился на посиневшее запястье правой руки Олега, протянутой за деньгами.

Рукав куртки опять скрыл запястье.

– Черт его знает, – Олег пожал плечами. – Может, во сне ударил?

Глава 6

Львов, май 1941. Богдану Куриласу звонят из НКВД

Профессор Богдан Курилас спиной почувствовал осторожные шаги.

– Тебе еще долго, Даня? – спросила жена почти шепотом.

– Нет, уже закончил.

– Звонили от Марковича. А тебе еще побриться надо.

Профессор оглянулся: жена уже приделалась в платье, купленное до войны, но ни разу не надеванное, волосы накручены, лицо намакияжено. Она выглядела сейчас значительно моложе своих сорока с хвостиком. Профессор был старше на десять лет, но ощущал себя совсем не старым, а скорее уставшим. То, что пережили они с начала российской оккупации, было похоже на сущий ад. Люди своей суетливостью стали похожи на муравьев.

И это не удивительно!.. Одни говорили, что никогда не уйдут со своей земли потому, что остаться с народом – это национальный долг, и русские, мол, уже не те, что были когда-то, они ведь идут в Европу, следовательно, нужно приспособиться к новым требованиям. И главное – это же Украина, хоть и красная. Поэтому надо оставаться на месте, занимать должности и пытаться влиять на события. Однако те, что встречались с большевиками ранее, были убеждены, что они нисколько не изменились и никогда не изменятся, поэтому решили бежать. Третьи считали, что нечего паниковать и обгонять события, стоит присмотреться к новым порядкам и только тогда, поняв, что происходит, принимать решение.

Несмотря на все эти бросания людей из стороны в сторону, из лагеря в лагерь, Львов не опустел, не стал безлюдным, а наоборот, загудел жизнью города с миллионным населением! Все улицы были забиты машинами, повозками, бричками, толпами людей. Беглецы устремились сюда со всей Польши, ища спасения от немцев, но очень скоро многие из них убедились, что попали в еще более опасную засаду. Выяснилось, что правы были те, кто сбежал: почти все они выжили, и особенно это касалось интеллигенции. Тех, кто остался, депортация привела в Сибирь и в Среднюю Азию.

Всех поразили пролетарский и очень запущенный вид русского войска – грубые, как топором рубленные лица, встревоженные глаза и уставшие телодвижения. Казалось, они еле ноги волочили. Тем не менее, с оружием не расставались: из кузова каждого военного грузовика торчали в небо клинки штыков. Комиссары боялись, что контакты с населением разложат армию, поэтому красноармейцам было строго-настрого запрещено разговаривать и сближаться с местным людом. С ними чаще пытались контактировать агитаторы и сами комиссары, но и они, хотя и были напичканы лозунгами, не могли ответить на очень простые вопросы. Например, почему у вас все так бедно одеты? Ведь вид гражданских «освободителей» мало чем отличался от вида военных: все они ходили в ужасно сбитой обуви, не имели белья. Хорошо одетый местный рабочий по сравнению с ними скорее походил на буржуя, чем на пролетария. Поэтому львовяне специально стали надевать что-то изношенное, плохое, чтобы не выделяться и не попадать в скверные ситуации. Ведь уже не один простой рабочий был задержан красноармейцами за недостаточно бедный вид.

«Освободителей» на Западной Украине называли «советами» или «русскими», так как все они говорили по-русски, пели только казенные русские песни, да и командовали там русские. Городские стены обклеили плакатами с изображениями Маркса, Ленина и Сталина, на углах домов запестрели красные флаги. Они очень быстро линяли, но их по ночам меняли на новые. Наскоро склепанные картонные памятники на окрашенных под камень постаментах при первом же дожде расплзались и опали. На людных улицах целыми днями ревели дина-

мики с бодрыми новостями на одну и ту же тему: какая замечательная жизнь наступила на освобожденной земле и в какой нищете загнивает буржуазный мир.

Новые люди, строем пришедшие с востока, быстро заняли все ответственные места, получили руководящие должности, а изгнанные из своих кабинетов местные «эксплуататоры» вынуждены были выносить из дома и продавать на базаре все, что осталось от бывшей «буржуазной» жизни – одежду, утварь, картины. Высших польских и украинских чиновников, судей, купцов, домовладельцев, старшин и полицейских сразу отправили в Казахстан и Сибирь. Большинство из них там и расстреляли.

Те, кто бежал к немцам, не прощались. Они брали с собой только самое необходимое, чтобы никто ничего не заподозрил, выходили из дома, как на прогулку, и не возвращались. Каждый, конечно, под «самым необходимым» подразумевал что-то свое, но среди этого самого необходимого обязательно присутствовал ключ от квартиры. Он становился амулетом, оставляющим надежду на возвращение домой.

В первые дни советской оккупации границы еще не были установлены, да и пограничники вели себя, как слепые котятка. Поэтому беглецам в основном удавалось легко преодолеть еще не видимую, но уже существующую границу. Неожиданно и «советы» пошли на уступку и «открыли» эту самую невидимую границу на целых три дня. А потом закрыли, выставили патрули и объявили охоту на беглецов.

Сын профессора Олесь Курилас не был настолько наивен, чтобы ждать чего-то хорошего от новой власти. Поэтому, хоть и не сразу, но он тоже отправился на ту сторону. Звал за собой и родителей, но профессор не мог покинуть родных стен, эти высокие стеллажи, забитые книгами. Не мог оставить свои рукописи – законченные и незаконченные. «Нет, как же я могу? Я их тут не брошу!» – сказал он и посмотрел с таким умилением на книжные полки, что сын только обнял его и уже без слов отошел. Какое-то время никаких известий о нем родители не имели, но в прошлом году один из подпольщиков, сновавших туда и обратно, сообщил, что Олесь в Кракове, работает в газете «Краківські Вісті» художником.

Вскоре жилья для новых граждан с востока стало не хватать, и новая власть нашла очень простой, но эффективный способ, как решить эту проблему – она насильно подселяла ново-прибывшие семьи советских служащих в квартиры львовян. У профессора Куриласа было пять комнат, а стало две. В остальных трех поселилось сразу три семьи шумных коммунистов. К счастью, в квартире имелось два туалета, так что не пришлось свой делить с пришельцами. Однако общей стала кухня, где с утра до вечера хозяйничала теперь теща «госслужащего» и шумела кастрюлями, а когда присоединялись к ней еще две хозяйки, то возникал скандал, который только вечером могли потушить вернувшиеся с советской службы мужья. Кухней у профессора занималась служанка, которая готовила им есть, стирала и убирала, но ее арестовали после того, как она обозвала тещу «госслужащего» старой шваброй.

Этот постоянный шум за стенами – ссоры, детский плач, радио на полную мощность – сказывался, и профессор должен был затыкать уши, чтобы иметь возможность работать в тишине. Он перепробовал и вату, и мокрые салфетки, и пришел к выводу, что лучшими берушами могло служить свежее тесто – он быстро замешивал ложку муки с водой, лепил два шарика и все – можно хоть из пушки над головой стрелять. Жена, зная эту милую привычку мужа, должна была махать перед глазами рукой, чтобы он ее заметил, а потом писать ему на бумаге то, что собиралась сказать.

Но сегодня такой забавный способ коммуникации оказался лишним: было воскресенье, и все квартиранты пошли гулять в парк. В доме наконец воцарилась тишина. Только из уличных громкоговорителей доносились приглушенные марши, шум которых время от времени перекрывал своим звоном трамвай. Прекрасная возможность поработать, но их ожидал накрытый стол в гостиной у Марковича, с которым они вместе преподавали в университете.

Профессор снял очки и протер глаза. Перед ним лежал сборник документов крестового похода, но интересовал его только один документ – хроника, написанная рыцарем из Галича по возвращении домой из крестового похода. Эту хронику он читал и раньше, но сейчас должен был читать как можно внимательнее, до конца не понимая, чего от него хочет полковник НКВД Олег Ваврик. Несколько дней назад он позвонил Куриласу, учтиво предупредив, что никаких претензий к товарищу профессору у него нет, но он очень хочет с ним переговорить. Поначалу возникло подозрение: его хотят завербовать, сделать стукачом? Но какой смысл? В университете и без него есть кому стучать. Между тем полковник, видимо, чтобы снять с собеседника напряжение спросил:

– Вы, товарищ профессор, читали хронику Ольгерда в сборнике, посвященном крестовым походам?

Вопрос ошарашил профессора. Чего-чего, а такого вопроса от чекиста он не ожидал.

– Да. Читал.

– Тогда я попрошу вас перечитать ее еще раз, – мягко, но настойчиво посоветовал полковник. – Так сказать, освежить в памяти. А в понедельник жду в два у себя.

– Простите... В два у меня лекция.

– Мы знаем. Вас заменит профессор Михайло Рудницкий*. Он уже предупрежден.

– Э-э... хорошо... А-а... где «у себя»?

– На Пелчинской*. Неужели не знаете?

Раздался смех и трубку положили.

Глава 7

Киев, октябрь 2019. Неожиданная гостья, которую трудно удивить

Щавелевая кислота, даже сильно разведенная водой, издавала острый, щиплющий ноздри запах. В этом прозрачном растворе на дне литровой банки лежал комок отвердевшей глины, из которого выглядывали ободок и край печатки найденного перстня. Уже два раза вытаскивал Бисмарк его из воды на газетку и пытался проткнуть штопфером и даже найденным в коробке с гуталинами старым шилом с массивной деревянной рукояткой. Процесс шел в правильном направлении, но шел он не достаточно быстро. Настойчивые уколы шилом помогали штопферу соскребать тонкие слои отмокшей глины. Чтобы не терять терпение, Олег за работой попивал коньяк. Ему даже казалось, что коньяк он пьет, чтобы забить запах кислоты.

В какой-то момент Олег заметил, что глина вроде как начала едва заметно отставать от ободка и он всунул в наметившийся разъем самый тонкий штопфер и надавил. От комка глины отпал кусочек, оголив темную, непрочитываемую печатку. Азарт охватил Бисмарка. Он нашел кусочек фланельки и стал усердно стирать глиняный налет с оголившейся части перстня. Золото чистилось легко, и очень скоро Бисмарк прикипел взглядом к открывшемуся изображению – двум рыцарям со щитами и мечами, сидящим на одном коне. Изображение казалось наивным, но эта наивность только подчеркивала огромную временную дистанцию, протянувшуюся между нынешним моментом и временем, когда перстень впервые надели на палец.

– Интересно, сколько за такой предложат на онлайн-аукционе? – задумался Олег.

Неожиданный звонок в дверь заставил его вздрогнуть. И тут же пришел испуг, ведь так просто прийти к нему без предупреждения мог только Адик! А Адика он заверил, что больше ничего под стеной Софийского собора не выкопал!

Машинально Бисмарк опустил только частично очищенный перстень в раствор щавелевой кислоты, а банку сунул под стол. Штопферы, шило и кусочки глины – все, что лежало перед ним на газетке, завернул в нее и запихнул в верхний ящик стола. Еще раз окинул взглядом комнату, проверяя ее на наличие компромата.

Открывал дверь, даже не спросив, кто там! А открыв, обомлел.

Перед ним стояла, пошатываясь, Рина в своей ярко-желтой куртке-ветровке. Явно выпившая. Рукой она удерживала лямку висящего на плече кожаного рюкзака.

– Что, не ждал? – выдохнула и улыбнулась.

– Нет, – признался Олег. – Да и я... Я же тебе адрес не давал...

Рина махнула рукой и сделала шаг вперед. Бисмарк посторонился, пропуская ее в коридор. Она скинула ботиночки, еле попала петлей куртки на крючок настенной вешалки и прошла, пошатываясь, дальше. Уже в комнате отодвинула стул от стола и уселась. Сознательно уронила рюкзачок на пол, проводив его падение саркастическим взглядом. Осмотрелась по сторонам и оставила свое внимание на застеленном раскладном диване.

– Ты что, на диване спишь? – искренне удивилась.

– Да, а что?

Она хмыкнула и неожиданно икнула. Обернулась к Олегу. Попросила воды.

Икота прошла с первым же глотком.

– Ты меня покормишь? А то я выпила натошак!

– Могу вермишель сварить! – предложил Бисмарк. – И шпротный паштет есть!

– Паштет оставь себе, – Рина махнула рукой. – А вермишель свари! Это можно! Детство вспомню!

Олег молча ушел на кухню. Поставил кастрюлю с водой на огонь.

– Значит, у тебя еще серьезных отношений не было! – рассуждала она, жуя вермишель и снова оглядываясь на разложенный диван.

– Почему ты так думаешь?

– Ты знаешь, что девушки видят в диване?

– Что?

– Разврат и случайные ночи!

– Ну я тут один живу, мне хватает, – проговорил Бисмарк. – Он, кстати, не старый. Сам покупал!

– Ага, – кивнула Рина. – Была б у тебя подруга, заставила бы кровать купить!

– Да была, и не одна, – Олег пожал плечами. – И не заставили!

– Потому, что поняли, что ты им не подходишь! Как и твой диван! Коньячка нальешь?

– А если у меня нет?

– Тогда у меня есть, вон там! – она опустила взгляд на кожаный рюкзачок, лежавший на полу у ее ног.

– Налью, и у меня есть, – пошел на попятную Олег.

Налил и ей, и себе.

– Кажется, меня опять накрывает, – в ее голосе зазвучало беспокойство.

– Что тебя накрывает?

– Депрессия, страх...

Она опустошила рюмку и вопросительно посмотрела на хозяина жилища.

Он снова налил.

– Может, тебе надо к психологу? – предположил Олег.

Рина тяжело вздохнула, посмотрела на свой маникюр и тут же словно наново ожила.

– Ты что-нибудь выкопал? – спросила она вдруг, «выстрелив в упор» своим пристальным взглядом в глаза Бисмарку.

– Откуда ты знаешь? – Олега взяла оторопь.

– Ну ты же черный археолог? Сам рассказывал!

Испуг у Олега прошел. Он смотрел ей в глаза и не видел в них никакой опасности, только признаки то ли меланхолии, то ли пьяной попытки собрать в «пучок» свое рассеивающееся внимание.

– Могу показать, – осторожно предложил он.

Думал, что вот в этот момент ее глаза загорятся и взгляд приобретет направленность и остроту. Но этого не произошло.

– Ну покажи! – она пожалала плечиками.

Просто так показывать свою самую ценную находку, ту, которая привела его в восторг, человеку, которому, казалось, восторг был не свойственен, не хотелось. И Олег задумался о своих менее ценных находках последнего времени. О монетах, медалях, ржавом револьвере.

Нет, показывать ей находки, не имеющие ценности, тоже не хотелось. Она обязательно хмыкнет и, хуже того, начнет над ним иронизировать.

– Ладно, – Олег набрался решительности и это прозвучало в его голосе. – Только ты никому ни слова! Поняла?

Выражение лица девушки показало, что ее ожидания возросли, отодвинув депрессию, меланхолию и страх на второй план.

Она кивнула.

Олег постарался как можно элегантнее наклониться под письменный стол. Вытащил оттуда литровую банку. Отнес на кухню, где извлек из раствора щавелевой кислоты свою находку, протер ее кухонным полотенцем и вернулся в комнату.

– Я его еще не полностью очистил, – протянул он ей на ладони перстень-печатку. – Только осторожнее, я его в кислоте вымачиваю.

Ее пальцы при упоминании кислоты замерли у самого перстня. Она наклонила голову к его ладони.

– Какие смешные! – проговорила, разглядывая перстень. – Вдвоем на одной лошади! Они что, голубые? – На лице Рины появилась озорная улыбка. – А он очень старинный? – спросила она тут же.

– Наверное!

– Ну это ж мужской, – произнесла она с сожалением. – А женского колечка не находил?

– Пока нет, – признался Олег.

– Надо было глубже копать! – сказала она. – Самое ценное и красивое – всегда глубже спрятано!

Рина опять оглянулась на диван.

– Что-то мне нехорошо, – протянула жалобно.

– Хочешь прилечь?

– Если ты не против!

Девушка подняла одеяло и прямо в джинсах и кофте улеглась на диван и накрылась.

– Ты меня не буди, я сама проснусь! – попросила.

Обалдевший Бисмарк допил свой коньяк и ушел вместе с перстнем на кухню. Чуть позже расстелил там на столике газетку, разложил инструменты снова принялся за очистку. Правда, мысли его постоянно возвращались в комнату, к дивану, на котором теперь мирно посапывала во сне Рина.

– Ну ты меня удивил! – говорила она утром, попивая сваренный Бисмарком кофе.

– Чем же? – Олег рассматривал ее посвежевшее со сна личико и все еще мокрые после душа волосы.

– На твоём диване девушка, а ты даже раздеть ее не попытался!

– Я ленивый, – отшутился Олег. – Да и к выпившим девушкам отношусь с осторожностью! Они ведь могут протрезветь и написать в полицию заявление о домогательствах! Кстати, кажется, я тебя сейчас впервые вижу трезвой! – на его лице возникла ироническая улыбка.

– Это не надолго, – успокоила его Рина. – Но все равно зачет! Вижу, что ты порядочный! Кстати, знаешь, что в древнем Иране деловой договор обсуждался торговцами дважды: один раз в пьяном состоянии и один раз в трезвом! И если результат обсуждения оказывался одинаковым, договор подписывался. Ой, а что это у тебя на руке, – она обратила внимание на посиневшее запястье его правой руки.

– Это ты меня схватила, там, в баре! Я еле руку вырвал! Что, не помнишь? – удивился Олег.

– Да? Нет, не помню! Но со мною бывает! Вообще-то я слабая, но иногда вдруг находит... Вдруг появляется непонятная сила и тогда я становлюсь другой, не собою... Но не надолго. И мне это не нравится. Прости, конечно! У тебя второй ключ от квартиры есть? – совершенно серьезно спросила вдруг Рина.

Бисмарк опешил, замешкался с ответом.

– Если нет, на Львовской площади можно сделать копию, – продолжила она после паузы.

– Где-то был, – напряженно выдавил из себя Олег.

– Мне просто пока негде жить, – призналась Рина. – К себе возвращаться не хочу, меня там все раздражает! Ты же не против?

Для того, чтобы закивать в ответ на вопрос гостьи, Бисмарку понадобилась концентрация всей силы воли. Однако выражение лица не смогло скрыть возникшие в его мыслях сомнения.

– Ты не бойся, я уборкой заниматься не буду и твой порядок не нарушу! – пообещала Рина и решительно поднялась из-за кухонного столика.

Глава 8

Хроника рыцаря Ольгерда. О той, что пряталась в пещере

«К вечеру мы надеялись, не торопясь, добраться до Иерусалима, но по дороге на нас напали сарацины и сильно потрепали, мы мужественно отбивались, но силы были слишком малы. К счастью, нам попала пещера, в которую мы все спрятались вместе с нашими гуцулками, а враг не имел к ней приступа, потому что встречал его рой стрел. Видя, что так просто нас не одолеть, сарацины начали осаду.

Нечего и говорить – мы потеряли наших мулов и оказались в непростых условиях. К счастью, в пещере с потолка стекала ледяная вода и текла куда-то вглубь, слышно было, как она с большой высоты капает на дно пещеры и удар каждой капли о камень отзывается звонким эхом. Итак, жажду мы могли утолять, но пищи у нас не было, и на третий день нас стал донимать голод. Сарацины же, словно дразня нас, разбили лагерь напротив пещеры, поймали диких коз и, разведя костер, соблазнили пьянящим запахом жареного мяса.

Голод донимал нас так сильно, что некоторые уже выковыривали из-под камней жуков, мокриц и червей, а самые отчаянные требовали приказа броситься в атаку, предпочитая положить головы в бой, чем умереть от голода. Князь их сдерживал, убеждая, что милостивый Господь не принесет своих воинов в жертву. И произошло всё по его словам: неожиданно брат Лука возвестил нам о своей удивительной находке. Мы поспешили на его зов и, подсвечивая зажженными лучинами, увидели на стенах белый налет, похожий на иней. Брат Лука сказал, что попробовал этот иней на вкус, он оказался сладковатым, но не это его больше всего поразило, а то, что он сразу потерял ощущение голода, а взамен получил чувство сытости. Тогда каждый из нас соскреб себе этот иней ножом и положил на язык и так же потерял ощущение голода, более того – нас вдруг переполнили силы, а раны стали затягиваться. Мы хоть сейчас могли броситься в бой, и некоторые действительно уже взяли в руки мечи, чувствуя в себе прилив лвиной мощи.

Князь наш Игорь пытался снова сдержать эти молодецкие и необдуманные порывы, но трое наших не послушались его и, выбежав из пещеры, хотя и без успехов, взялись рубить сарацин. Это было невероятное зрелище: их было только трое, а сарацин больше сотни, однако эта застигнутая врасплох сарацинская рать ничего не могла со смельчаками поделать, враги падали под русинскими мечами, как снопы. Тогда и мы присоединились, а также брат Лука с рогатиной бросился в бой. Я почувствовал невероятную легкость меча, я не должен был уже его держать обеими руками, я махал им так легко и весело, как прутком, а он разрубал врага, словно это были не человеческие тела, а тыквы. А когда мне моего меча показалось мало, я схватил еще в левую руку и меч убитого сарацина и уже двумя мечами сёк по сторонам так, что брызги крови разлетались и окропляли меня, как солнечным дождем. Через минуту большая часть сарацин полегла, остальные бросилась наутек.

Мы вернули себе своих мулов, забрали и кое-что из сарацинского добра и хотели трогаться в путь, но брат Лука, все еще удивлявшийся своей неподходящей почтенному возрасту ловкости, вернулся назад в пещеру и внимательно обследовал тот чудодейственный иней, после чего пришел к выводу, что это не иначе, как целебное молоко Богородицы, и это та самая пещера, в которой она пряталась от Ирода, несмотря на то, что подобная пещера есть также у Иерусалима. Однако там белые пористые камни не добавляют силы, а только излечивают от бесплодия, а тут белый иней творит из человека витязя.

Князь добыл из своей сумки глиняную флягу, в которой ранее было вино, и соскреб в нее иней, сколько удалось, затем поручил мне хранить флягу с тем, чтобы, когда вернемся домой, я занес ее в Софию Киевскую.

Когда мы покидали пещеру, я вдруг услышал в углублении шорох. Там было темно. Зная, что это мог быть дикий зверь, я взял факел и вытащил из ножен меч. И мои опасения оказались тщетными, потому что это был не дикий зверь, а дева – она была совсем нагая и вся тряслась от страха. Я сбросил плащ, закутал ее и вывел из пещеры. Она была очень красивая, длинные волосы цвета корицы змеились до пояса. Все время она повторяла одни и те же слова, но никто не понимал, что она говорит. Один только брат Лука распознал арамейский язык и стал ее расспрашивать, а она объяснила, что скрывается от врагов.

– Кто ваши враги? – спросил брат Лука.

– Король Балдуин, – сказала она приятным голосом, что напоминал сразу и пение птиц, и журчание серебряного ручья.

– Что он хочет от вас?

– Хочет забрать в свой замок.

– Но кто вы? Как вас зовут?

– Мария.

– Мы вас спасем, – вступил в разговор князь.

Мы подобрали для нее наряд сарацинского рыцаря, она спрятала волосы под шлемом, а на плечи накинула наш черный плащ с белым крестом и капюшоном. Походила она теперь на юного пажу. Я посадил ее перед собой на коня, а затем мы двинулись в путь, все еще ощущая в себе значительные силы. Дева просила не брать ее в Иерусалим, но мы убедили, что с нами ей ничего не угрожает, никто в ней не узнает девицы. В Иерусалиме мы собирались пробить несколько дней, получить у короля деньги на обратный путь и вернуться домой. Двенадцать лет, которые мы провели на Святой земле, казались нам вечностью.

После полудня мы увидели впереди облако густой пыли и подумали, что это опять сарацины. Мы спешили, стали кругом, заняв боевую стойку и спрятав деву внутрь, но она обнажила сарацинский меч и стала рядом с нами. Мы с тревогой вглядывались в клубы пыли и песка, поднимающиеся вверх, кружившие вихрем и опадавшие, а топот лошадей постепенно нарастал, и солнце слепило нам глаза. И когда, наконец, из того бурлящего облака пыли вынырнули крестоносцы короля во главе с рыцарем Этьеном, мы с облегчением вздохнули. А рыцари поздравили нас, и Этьен сказал:

– Когда мы издали увидели ваш боевой шик, то поняли, что вы наши. Откуда вы идете?

– С Назарета.

– Не случалась ли вам в пути дева с длинными волосами?

– Нет, не видели мы девы, – сказал князь Игорь и, опережая каждого из нас, спросил: – А что с ней?

– Ищем ее, – сказал Этьен, пристально вглядываясь в наши лица.

– Кто она? – спросил князь.

– Пленница королевская. Убежала вчера.

– Ладно, если наткнемся на нее, что делать?

– Схватить и доставить в Иерусалим.

После этих слов каждый отправился своей дорогой.

– Да, – сказал брат Лука, обернувшись к деве. – Лучше для вас спрятаться именно в Иерусалиме. Где-где, а там вас никто не будет искать.

Когда мы поднялись на последнюю гору, нам открылся живописный пейзаж с оливковыми рощами, которые подступали к стенам города, с высокими пальмами, что гордились щедрыми гроздьями фиников, а в их подножиях расположились караваны верблюдов и белые палатки купцов. Там кипела жизнь, звучало множество голосов на множестве языков, и ничто не напоминало о крови, смерти и руинах, все это отступило в глубины памяти. А за стенами виднелись купола церквей с золотыми крестами, высокие башни, на которых несли стражу кре-

стоноscopy, и стаи голубей, которые то взлетали в небо, то опускались, словно веера, на крыши домов.

Мы остановились и наслаждались красотой города, так как с тех времен, когда взяли Иерусалим штурмом, больше ни разу побывать здесь не приходилось, ведь все эти годы мы только и делали, что воевали с неверными, а Иерусалим для нас оставался светлой звездой, которой в дар мы и приносили все наши подвиги.

Ворота Давидовы были открыты настежь, люди свободно заходили и выходили. Вдоль ворот стояли на страже госпитальеры с черными крестами. Они приветствовали нас громкими возгласами. Другая их группа что-то раскапывала на месте древних конюшен Соломона. Яма уже была довольно глубокая, ибо виднелись только головы копателей. Другие отворачивали выкопанный песок в сторону.

– Что они ищут? – спросил я у Луки, и он пожал плечами.

Длинноволосая дева вдруг оживилась и быстро затараторила что-то. Лука перевел:

– Она говорит, что рыцари ищут Ковчег Завета. Но напрасно.

– Там его нет? – спросил я.

– Нет, – ответил Лука. – Она говорит, что знает где он, но не скажет.

– Что это такое – Ковчег Завета?

– Это двухметровый сундук из дерева акации, украшенный золотом снаружи и изнутри, – пояснил Лука. – В нем хранятся Скрижали Завета, то есть две каменные плиты с заповедями Божьими. Ковчег наделен магической силой. Он несет того, кто несет его, а также ровняет горы и долины. Спрятал его царь Иосия и от той поры никому не известно место его укрытия.

– Но девушка знает?

– Возможно, именно поэтому ее и ищут. Но крестоносцы уже не достойны обладать такими реликвиями. Господь от них отвернулся.

Вступили мы в город, когда уже стало темнеть. Город зажил той жизнью, которой жили и раньше, до того, как мы пришли сюда и уничтожили все живое. Купцы сворачивали свои палатки, водоносы с пустыми бурдюками устало сидели в тени – на землю опустилась вечерняя прохлада, жажда уже никого не беспокоила. На улицы вышли женщины с открытыми лицами и обольстительными взглядами – наступала их пора. Они провожали нас глазами и мягкими улыбками. Когда их чары останавливали кого-то из наших, князь кричал на него, и тот, недовольно ворча, догонял остальных.

Мы направлялись на постоялый двор, который держал купец Рупрехт из Гейдельберга. Мы ему и его семье спасли жизнь, освободив из сарацинского плена, и он обещал нам за это бесплатный приют. Он выделил нам несколько покоев, дева мы поселили с братом Лукой и занесли им ужин, чтобы она не попадалась на глаза тем, кому не стоит ее видеть. Сами же поужинали внизу.

– Что за парень с вами? – лениво спросил Рупрехт.

– Отбили у сарацин, – ответил я. – Наш парень.

– Тоже из Руси?

– Нет, но наш.

Он кивнул и пошел наливать нам пиво. Он и раньше не жаловался на излишнюю краткость наших ответов, поэтому и на этот раз быстро потерял интерес к продолжению разговора».

Глава 9

Киев, октябрь 2019. Что делать, если к вам пришли неизвестные?

За окном шелестел октябрьский дождь. Шелестел уныло и монотонно. Но многочасовые труды Бисмарка как раз этим утром увенчались успехом, и он теперь рассматривал надетый на мизинец, мягко и благородно, а не так, как нынешняя бижутерия, блестящий золотой перстень-печатку с двумя рыцарями, странствующими на одном коне. Что-то в этих рыцарях привлекло внимание Олега. Он присмотрелся и, вроде бы, увидел, что у переднего рыцаря на спине то ли рюкзак, то ли какой-то мешок. Глаза заслезились из-за напряжения, с которым он попытался рассмотреть печатку. Но ему было лень достать увеличительное стекло. А мысли сами перескочили на потревоженную им недавней ночью могилу. Малый размер кольца заставил вспомнить выкопанные тонкие костяшки фаланг пальцев. Тысячу лет назад люди были помельче! Может, бывший владелец носил перстень и на безымянном или на среднем, но с тех пор человеческая порода пошла в рост и вширь! И даже на мизинце Бисмарка перстень сидел крепко, впрытык.

Не снимая перстень, Олег раскрыл ноут, «сбросил» туда с мобильного фотографию рыцарей на печатке, вставил в окошко поиска картинок. Монитор тут же бесконечным ковром выстелил квадратики похожих изображений. И на перстнях-печатках, и на старинных гравюрах.

– Ни фига себе! – вырвалось у Бисмарка, когда прочел он, что на печатке изображен первый символ рыцарей-тамплиеров, хотя таких же «бедных» и «одноконных», или, как бы сказали после революции 1917 года в России, почти «безлошадных» рыцарей изображали в качестве символа и герба даже раньше в ордене госпитальеров, в самом начале двенадцатого века.

Он порыскал по сайтам, посвященным обоим орденам. Почитал. Промелькнула перед глазами картинка очень похожего перстня, датированного концом 12-го столетия.

Дух у Бисмарка перехватило. «Моё!» – решил он о перстне и тут же почувствовал, будто перстень одобрил его решение. Словно он «пожал» на мгновение мизинец и тут же его «отпустил». – «Никаких онлайн-аукционов! Сам буду носить», – твердо решил Олег.

И тут ему показалось, что перстень решил нагреть его мизинец. Не понимая, происходит ли это наяву или является результатом плохого сна, Олег снял его с пальца, подержал на ладони, причувствуываясь к золотому посланнику давних веков.

«Действительно, теплый! – подумал. – Но не теплее 36,6! Наверное наоборот, от моего пальца нагрелся!»

Звонок мобильного отвлек Олега.

– Вы на работу выходить собираетесь? – спросил незнакомый женский голос.

– Какая работа? – недопонял Олег. – Мне разрешили не приходиться пока...

– Кто разрешил? – потребовала ответа женщина.

– Адик, – объяснил он и осекся.

– Какой еще Адик? У нас замыкание в гараже!

– Да? Извините! – спохватился Бисмарк. – Я просто отравился чуть-чуть! Сейчас прибегу!!!

– Давайте быстрее, а то останетесь без премии! – голос женщины смягчился.

– Ни хера себе! Захотели меня трехсот гривен премии лишить! – пробурчал иронично Олег, переодеваясь в рабочую спецодежду.

Впопыхах выскочил на улицу без зонтика, но возвращаться не стал. Дождь стучал по кепке и подгонял дежурного электрика, из-за чего со стороны могло показаться, что он спешит

по делам чрезвычайной важности. Наверное, так и казалось всем встречным, уступавшим ему дорогу.

Проходя уже по территории заповедника, он заметил нечто пугающе странное: место, в котором он проводил ночные раскопки и потревоженность которого потом замаскировал, кто-то обнес деревянными столбиками с натянутой между ними красно-белой пластиковой лентой.

В дежурке Олег задержался на пару минут, отдышался, чтобы уже в спокойном состоянии отправиться в гараж и искать причины замыкания.

В гараже Софийского заповедника горел свет. Незнакомый водитель стоял у открытого капота черной «Шкоды» и рассматривал выкрученную из двигателя свечу зажигания.

– Ну где тут замыкание? – отвлек его Бисмарк и показал взглядом на горящую лампочку.

– Какое замыкание? – не понял водитель.

– Мне звонили, сказали, что в гараже замыкание...

– Да не было никакого замыкания, – хмыкнул водитель. – Я тут с утра кручусь!

Озадаченный Олег вернулся в дежурку. На душе стало беспокойно. Позвонил Адик.

– Слушай, тут что-то происходит! Место раскопа обнесли лентой, меня вызвали на замыкание, а никакого замыкания нет...

– Ноги в руки и вали оттуда быстро! – скомандовал Адик.

– Куда? У них же мой адрес, моя трудовая книжка?

– Сиди дома и никому не открывай! Я попробую узнать, в чем дело!

– Понял, – мрачно произнес Олег.

Спрятал мобильник в карман куртки-спецовки и закрылся в своей дежурке изнутри. Бежать, следуя совету Адика, было смешно. Как, впрочем, и закрываться на ключ в дежурке! Но ощущение страха исчезло. Только мысль о перстне тамплиеров, оставленном в нижнем ящике стола, заставила напрячься. Все-таки надо было его получше спрятать. Особенно после того, как Рина покинула его квартиру, унося с собой второй ключ от входной двери.

К концу рабочего дня хладнокровие покинуло Бисмарка. Шагал он к служебному боковому входу напряженно, то и дело нервно косил по сторонам.

Дома, заперев за собою входную дверь, почувствовал мимолетное облегчение. Первым делом достал перстень и сунул его в карман брюк. После этого внезапно проснувшийся голод отправил его на кухню.

Перед сном выпил рюмку коньяка и полез было под одеяло, когда из коридора послышалось характерное проворачивание ключа в замке.

– Ничего себе! – вздрогнул Олег, быстро натянул брюки и влез ступнями в тапочки.

У него не было сомнения, что пришла Рина, но радости от ее появления он не ощутил. Уходящий день потрепал нервы, подразнил психику и оставил массу неотвеченных вопросов. Что ждет его завтра – непонятно. Но вот теперь придется развлекать эту вечно выпившую девушку, у которой в крови больше коньячного спирта, чем гемоглобина!

Дверь открылась. Бисмарк неторопливо вышел в коридор и включил свет. Вспыхнувшая под потолком лампочка осветила совсем не Рину, а крепко сбитого, похожего на культуриста паренька лет двадцати – двадцати двух.

Олега прошиб холодный пот. Он вдруг понял, что отступить некуда. Парень закрывает собой дверь, а бежать на балкон, чтобы звать на помощь, или к кухонному окну не имеет никакого смысла. Он просто не успеет! Пока он будет пытаться открыть окно или балконную дверь, этот парень вырубит его одной левой.

– Добрый вечер, – поздоровался незванный гость. – Я от Рины.

– В каком смысле? – обалдел Бисмарк.

– Пришел посмотреть, все ли в порядке, – объяснил парень. – Меня зовут Коля.

– Коля? – повторил Олег. И вдруг его осенила догадка. – Ты, наверное, ее брат?

– Откуда ты знаешь? – удивился тот. – Да, я брат! Но не ее, а возле нее.

– Брат возле нее? – озадачился Бисмарк, не понимая, что происходит и что ему в этой ситуации делать.

– Ты, наверное, спать уже хотел, – гость наклонился и развязал шнурки на кроссовках. – Так ты иди, спи! Я на кухне посижу!

– А зачем сидеть на кухне? – спросил Бисмарк и почти незаметно дотронулся до кармана брюк, из которого едва заметно выпирал перстень с печаткой. Словно проверял: на месте ли он.

– Рину подожду. А ты иди, отдыхай! – голос парня стал настойчивее.

Бисмарк сделал пару шагов назад, остановился в проеме двери. А парень прошел мимо него на кухню. Уселся за стол, выложил перед собой планшет и полез в интернет-игры.

Спать Олегу расхотелось. Он теперь сидел в комнате за письменным столом, налив себе еще одну рюмочку коньяка. Сидел, смотрел на нее, но не пил. Пытался сосредоточиться. Пытался понять, что происходит. Пытался определить: связан ли этот странный и неожиданный приход «брата-возле-Рины» с дневным звонком дамы из Софийского заповедника, которая выгнала его из дому на работу под предлогом фейкового замыкания в гараже. Вроде бы ничего эти два события не объединяло кроме того факта, что произошли они в один и тот же день! Но именно это совпадение само по себе уже вызывало у Олега подозрение.

Стук в дверь комнаты отвлек Бисмарка от его сомнений.

Он вздрогнул. В проем просунулась голова брата-возле-Рины.

– Я пойду уже, – сообщил Коля. – Рине привет! Ну и ты понимаешь, как надо себя вести с ней?

– Что понимаю? – обалдело уставился на парня Олег.

– Как правильно себя вести, – настойчиво повторил он. – Рина – особенная! Ее надо прощать, понимать, охранять и оберегать! Если какие-то непонятки, можешь мне перезвонить. Я там на кухне свой номер оставил!

Олег вышел в коридор и до конца выслушал проворачивание снаружи ключа. Парень уходил так, будто это он тут жил, а не Олег. И будто бы в квартире теперь никого не оставалось.

На кухне Бисмарк нашел визитку с номером телефона и отпечатанным текстом «Брат Николай».

– Брат? Чей брат? – Олег хмыкнул. – Секта какая-то! – подумал он и, неожиданно для самого себя, успокоился. То есть все напряжение дня и вечера словно рукой ворожки сняло. Верующим людям, независимо от церкви или секты, Бисмарк изначально доверял. Все они ему, не верующему, казались людьми добрыми, правильными и покладистыми.

Глава 10

Львов, май 1941. Богдан Курилас идет на день рождения Остапа Марковича

Профессор не верил никаким заверениям, что будто бы нет к нему претензий, но покори́лся судьбе и, исполняя полученные по телефону указания, вот уже третий день, как вчитывался в рукопись, делал выписки и пытался понять, что же там такое заинтересовало НКВД. Вероятность того, что его будут вербовать, не подвергалась сомнению. Стукачей никогда не бывает слишком много. Стукачи должны следить даже друг за другом, не подозревая об этом. Тогда каждому из них хватит работы!

Профессор побрился, натянул чистую наглаженных рубашку, которую подала ему жена, и через минуту они вышли на шумливую Ягеллонскую*, а с нее повернули на Гетманские Валы*, которые «советы» переименовали в улицу Первого мая, и двинулись в сторону Академической*. Громкоговорители транслировали марши и бодрые советские песни, зовущие в светлое будущее. Бывшее Корсо – стометровка, любимая львовянами в выходные и вечера – было, как и раньше, переполнено прохожими. Но разница с довоенным временем резко бросалась в глаза. Уже не видно было тех львовян, что ходили медленно, раскланивались, приложив руку к шляпе. Теперь они, оглушенные громкоговорителями, пытались, как крысы, быстренько прошмыгнуть мимо. Их «медленное» место заняли переселенцы из России, одетые в конфискованную у местных одежду. Им эти громогласные марши и песни не мешали, они к ним привыкли, эта музыка надувала их гордостью за великий советский народ.

С начала мая 1940 с улиц исчезли «снежные бабы», как львовяне называли русских, прибывших сюда в своих привычных фуфайках и валенках, замотанных в шерстяные платки. Меньше стало на улицах и военных, их перебросили в Финляндию и Прибалтику.

У историка Остапа Марковича был день рождения. Собрался узкий круг друзей. Курилас подарил товарищу рубашку и галстук. На это время такие вещи уже стали дефицитом, но из-под полы их еще можно было добыть, так как некоторые торговцы, увидев, как «красноармейцы» скупают все подряд за бесценок, припрятали товары и затаились.

Гости угощались стоя, разбившись на маленькие группки. На столе вперемешку красовались новые советские напитки – водка, шампанское, и старые запасы – водка Бачевского, хорватские вина. Из закусок – колбаса, сельдь и много икры, черной и красной. При Польше она была дорогим, но не дефицитным товаром, при российской оккупации – наоборот: подешевела в ресторанах, но правда, исчезла из магазинов. Магазины предлагали исключительно сельдь и водку. Хлеб и молоко можно было купить только утром.

Степан Шурхало, преподаватель латыни, вывел Куриласа на балкон покурить.

– Глупый я, что не убежал, – вздохнул. – А теперь попал в тупик.

– Что такое?

– Меня заставляют докладывать еженедельно о всех разговорах на кафедре.

– Почему именно тебя?

– Потому, что я им социально близок. Из пролетарской семьи.

– О, Господи! – покачал головой Курилас. – На днях по этой же причине ко мне забегал попрощаться один наш общий знакомый: его тоже заставляли докладывать. Я удивился: «А чего тебя трогать? Ты же из пролетарской семьи!». А он: «Вот именно! Это и есть причина. Они считают, что я для них идейно и социально близок. Понимаешь? И потому, мол, должен помогать устанавливать их власть в Галичине».

Оба рассмеялись.

– Кто же это? – спросил Шурхало.

Курилас выглянул с балкона на улицу. Прохожих не было. В конце улицы стояло темное авто.

– Не скажу, – сказал глухо, – пока не узнаю, что ему удалось перебраться на ту сторону. Сам понимаешь...

– Конечно.

– Но почему ты переживаешь? – пожал плечами Богдан. – Разве у нас на кафедре ведутся какие-то антисоветские или националистические разговоры? О чем докладывать? Есть несколько новых преподавателей из Союза. Так кто бы при них что-то себе позволил?

– Я так и сказал, когда меня позавчера вызвали. А он мне говорит: «Вы со мной не искренни. Разве профессор Курилас не жаловался, что не смог пообедать в ресторане из-за того, что туда набилась куча офицеров?» Я удивился. А что он такого сказал? А он: «Эти офицеры – ваши освободители! Они жизнью рисковали, чтобы вытащить вас из польского рабства. Вы наоборот, должны радоваться, что имеете честь обедать вместе с ними.

– Конечно, это хорошо, когда сидишь рядом с офицером, а он опорожняет нос тебе под ноги!

– О, спасибо, уже есть что на тебя донести, – рассмеялся Степан. – Но если серьезно, то это означает, что они не одного меня завербовали. И теперь, если кто-то промолчит о какой скользкой беседе, то второй или даже третий обязательно донесет.

– Ну вот и меня тоже вызвали, – признался Богдан.

– И тебя? – Шурхало был искренне удивлен.

– Да, на завтра. В обед. Уже и Рудницкого предупредили, что он меня заменяет.

– Так, может, тебя хотят арестовать?

– Нет, похоже на другое. Попросили внимательно перечитать хронику Ольгерда.

– Зачем это им?

– Откуда мне знать? Завтра скажут.

– Что ж, пойдем к гостям...

Дамы тем временем живо обсуждали появление советских женщин в театрах и филармонии. Их вид поражал: невероятный коктейль запахов и, конечно же, красные береты, которые они никогда не сбрасывали, потому что ленились делать прически.

Мужчин же, как обычно, понесло в политику. Гости Марковича были давними друзьями как хозяина, так и Куриласа, давно своих мыслей и взглядов друг от друга не скрывали и возможностью промолчать в ответ на спорную мысль не пользовались. Не испытывали они страха и сейчас, когда любимые темы разговоров заводили их на опасную территорию.

– Интересно, что они арестовывают даже членов Компартии Западной Украины, – преподаватель языкознания Олексий Гуркевич удивленно развел руками. – Тех, что выехали в СССР, расстреляли еще в тридцать седьмом, а теперь вылавливают тех, кто, узнав о коллективизации и голоде, вернул советскому консульству во Львове свою членскую карточку. Такого они не прощают! Арестовали уже журналиста Степана Рудыка* и его еврейского товарища-коммуниста Людвиг Розенберга*, они как раз из тех, кто сдал назад членские билеты в знак протеста. А когда их арестовали, то выбросили их семьи на улицу, а имущество конфисковали. Оба получили по восемь лет тюрьмы!

– Ну, толстячок Розенберг, как мы его по-приятельски звали, поплатился, пожалуй, еще и за то, что был сотником, членом провода Украинских Сечевых Стрельцов и воевал против москалей, – вмешался Курилас. – Такие у них тоже в списке.

– Ко мне обратился мой выпускник, очень мудрый и активный парень, которого община села выбрала на войта, – рассказывал Маркович. – Но еще надо было, чтобы его утвердили в райкоме. Когда же он приехал туда, секретарь райкома тщательно прочитал его биографию и анкету, и спросил: «А в вашем селе кто-то при Польше в тюрьме сидел?» Парень удивленно ответил, что его деревня была очень бедной, забитой, там никто не занимался политикой, а

потому никто арестован не был. А секретарь: «Я не о политике. Меня интересует, кто вообще сидел в тюрьме?» Он тогда вспомнил, что действительно один человек был осужден за то, что забил топором свою жену. «О! – обрадовался комиссар. – Как раз таких нам и надо!»

Все рассмеялись.

– Это правда, как раз таких им и надо, – сказал Гуркевич – Людей бессердечных и жестоких. Ведь они должны организовать коллективизацию, и всех зажиточных хозяев, объявив кулаками, выселить в Сибирь. Мягкосердечные и совестливые на это дело не годятся.

– Некоторые пытаются с ними заигрывать, как вот Квицинская, у которой на Коперника роскошные апартаменты. Она даже пригласила нескольких красных командиров к себе на прием, накрыла щедрый стол, вытащила старые запасы алкоголя. А завершилось все тем, что командиры напились, поссорились, подрались, разбили ей посуду, разбросали мебель, а потом еще и донесли в НКВД на буржуйку.

– Да так ей и надо, старой дуре, – махнул рукой Маркович. – А что ваш сын, Богдан? Дал о себе знать?

– Увы, пока нет. Сюда же никто с той стороны перебраться не спешит! Вот и нет новостей!

Глава 11

Киев, октябрь 2019. Сон сидя приводит к провалам в памяти

Через ослабевший сон Бисмарк услышал приглушенные незнакомые голоса, звяканье посуды и проехавший мимо автомобиль. Ему захотелось перевернуться на другой бок, но сделать это оказалось не под силу. Он открыл глаза и увидел, что проснулся, сидя на мягкой кушетке за столиком кафе.

– Черт, – прошептал.

Вокруг ходили люди. В пяти шагах от него перед прилавком стояла очередь. «Вам разогреть?» – спросил мужской голос. «Да, разогрейте» – ответила девушка.

– Что я здесь делаю? – испугался Олег, заторможено пялясь по сторонам.

Рядом за столиками завтракали посетители. За широкими окнами жила своей обычной бойкой жизнью осенняя киевская улица Ярославов Вал.

Время на мобильнике показывало пять минут десятого. Когда же он сюда пришел? Когда кафе открылось? Да ведь оно же не закрывается! Оно круглосуточное! Значит, оно и не открывается потому, что открыто всегда!

Нудная головная боль мешала сосредоточиться, мешала вызвать ближнюю память. И тут Олега осенило, и он снова опустил взгляд на монитор мобильника. Проверил последние звонки. В час ночи и в полвторого он разговаривал с Адиком. При этом в час он сам звонил Адик, а в полвторого уже Адик звонил ему.

Ночь постепенно становилась прозрачнее, теряла очертания черной дыры. Вспомнилась Олегу внезапная паника, охватившая его после полуночи, когда он понял, что заснуть после пережитого в этот день уже не сможет. Он пытался отвлечь себя интернетом, чаем, коньяком, но паника не отступала. И тогда он позвонил Адик и предложил встретиться. «К тебе, что ли, зайти? Я все равно недалеко, в центре», – спросил Адик, нисколько не удивленный столь поздним звонком. «Нет, возле меня на углу Вала и Франко есть круглосуточная кофейня!» – ответил Бисмарк. Потом Адик перезванивал, говорил, что опаздывает. Но все-таки приехал, и они сидели тут, в кафе, за этим самым столиком. И Бисмарк жаловался своему наставнику по черной археологии на Рину, которой он доверил ключи от квартиры и которая передала их какому-то парню-культуристу, члену то ли секты, то ли церкви.

История с ключами вызвала у Адика ехидную улыбку. «Пьяная девушка с твоими ключами – это все твоя личная жизнь! Я в ней разбираться не буду! А вот то, что ты про вызов на работу и фейковое замыкание рассказывал, это вот подозрительно! Это меня куда больше волнует!» – говорил одессит.

Очередь перед прилавком кафе рассосалась. Бисмарк взял себе латте и вернулся на место.

– К вам ночью девушка приходила! – услышал он над головой.

Обернулся. С подносом в руках возле него остановилась молодая женщина, уже убравшая пустые чашки с соседнего столика.

– Что вы сказали? – переспросил Олег.

– Часиков в пять к вам девушка подседа. Вы крепко спали. Я думала, она хочет у вас кошелек из кармана вытащить, но она меня уверила, что вас знает! Даже имя назвала, но я уже не помню! – пояснила работница кафе.

– Ага, – кивнул Олег. – Симпатичная?

– Не очень! – женщина пожалала плечиками и ушла.

Сбитый с толку Бисмарк отвлекся от воспоминаний о разговоре с Адиком. Допил кофе и отправился домой.

Перед дверью замешкался. На мгновение затаил дыхание, приложил к двери ухо, проверяя: нет ли там внутри кого-нибудь чужого?

Полежал с полчаса на диване. За это время и головная боль улетучилась и лучше припомнилась ночная беседа с Адиком. Точнее уже не беседа, а самое главное! Ведь Адик пришел с сумкой и в какой-то момент, оглянувшись по сторонам, вытащил оттуда золотую рукоять кинжала или ножа. На рукояти – знакомое изображение. Два рыцаря на одном смешновато длинном коне. «Посмотри на эту золотую красоту! Ведь круто!?» – потребовал подтверждения Адик, сам очарованно всматриваясь в предмет своей нынешней гордости, будто это он его выкопал. «А там же еще что-то было, в глине?» – напомнил ему Бисмарк. «А-а! Да! С той штукой еще много возни!» – отмахнулся Адик. И перед тем, как уйти, дал Бисмарку важное и срочное задание, никак не связанное с ночной археологией.

Олег набрал номер Адика.

– Привет! Знаешь, у меня провалы в памяти! – сказал ему. – Ты мне что-то ночью рассказывал, а я не помню!

– А ты уже дома? Как там? Посторонних нет?

– Нету!

– Я тебе бумажку дал! Список. Там фамилии и адреса, по которым надо пройти и поговорить!

Бисмарк проверил правый карман куртки, вытащил сложенный вчетверо листок бумаги. Развернул.

– А кто эти люди?

– Археологи, которые там копались раньше. Они уже умерли.

– Так как же я с ними поговорю?

– Сначала тебе надо выспаться, – Адик хихикнул. – А потом пройти по этим адресам и поговорить с их родственниками. Может, какие-то дневники, архивы остались? Наври им, что ты занимаешься археологией...

– А чем я, по-твоему, занимаюсь? – возмутился Бисмарк. – Это же правда!

– Да, конечно, извини! Наври им, что ты занимаешься историей украинской археологии, что собираешь материалы о самых знаменитых археологах и потом издашь о них книгу! Родственники на такое легко покупаются!

– Понял, – выдохнул Бисмарк и еще разок глянул на помятый лист бумаги с именами, фамилиями и адресами. – Ну а потом что?

– Потом? Потом прочитаешь то, что найдешь и запишешь то, что тебе расскажут! Самое важное покажешь мне! Понимаешь, если мы с тобой нашли в могиле то, что я тебе ночью показывал, в могиле, которую не раз раскапывали, то представь себе, что там нашли те, которые копали до нас? Нашли, но статей в археологических журналах не опубликовали! Вообще ни одного упоминания! Понимаешь? Родственнички этих покойных археологов вообще могут на мешках с золотом сидеть и не знать этого!

– Ну ты скажешь! – усмехнулся Олег. – Может, и я на мешке золота сижу и не знаю об этом?

– Ну ты-то вряд ли! – резво ответил Адик с такой саркастической интонацией, что у Бисмарка скривились губы.

И тут из коридора донеслось проворачивание ключа в замке.

– Кто-то пришел! – перепугано прошептал Бисмарк, нажал на кнопку отбоя и замер, затаив дыхание.

Глава 12

Львов, май 1941 Богдан Курилас поражен: полковник НКВД цитирует Жозефа Ренана!

По дороге профессор вспоминал август 1939 года, когда вся семья была еще вместе и отдыхала на Гуцульщине в Кутах. Стояла хорошая жаркая погода, ничто не предвещало трагедии. Но в наэлектризованной атмосфере ощущалось такое странное напряжение, что иногда нельзя было найти себе места. Непонятная тревога угнетала и передавалась дальше по невидимым волнам. В горной тишине, пропитанной запахами сосен и скошенных трав, слышалось что-то угрожающее.

В конце августа Куриласы вернулись во Львов, но там уже никто и не сомневался, что их предчувствия оправдались. Горожан охватила лихорадка паники – они запасались продуктами, время от времени какие-то продукты исчезали, особенно те, которые могли храниться дольше – например, сало, а в отдельных магазинах пропала еще и соль. Стал исчезать сахар, за ним – керосин. Исчез алкоголь крепче 4,5 процентов, его просто запретили продавать. Цены поползли вверх, что вызвало немедленную реакцию городских властей, принявших тут же штрафовать хитрых торговцев. В то же время началось обучение кондукторш, то есть жен и сестер кондукторов, с тем, чтобы они могли заменить мужчин, когда тех позовут в армию.

Олеся сразу забрали в польское войско. Все газеты писали о приближении войны, одновременно пытались ободрить читателей фантастическими утверждениями, будто Англия и Франция не допустят нападения на Польшу.

Власти города призвали львовян копать рвы, в которых можно было бы прятаться от бомб. Копали их по всему городу, в том числе в парках и скверах, но также и на площадях, соблюдая расстояние от дома, равное его высоте, чтобы не оказаться под завалами. Имели эти рвы вид зигзагов, а накрывали их балками. Это занятие породило энтузиазм и захватило чуть ли не весь город. Копать вышли даже школьники.

«Возможно, меня вызывают из-за сына? – думал Курилас. – Но что я им могу сказать? Я не получал от него ни одного письма».

Затем в его голове завертелась фамилия полковника... Ваврик, Ваврик... Не родственник ли это москвофила-писателя Василия Ваврика*? Тот ведь тоже преподавал в университете, говорил на ломаном русском языке и очень радовался, что Львов наконец воссоединился с Москвой.

Он вышел на Пелчинскую и почувствовал, как ноги делаются ватными, не слушаются его. Прислонился к липе, вынул папиросу и закурил. Правда, зажечь ему удалось только с четвертой спички. «Чего я так волнуюсь? Разве я с этим не смирился? Разве не ожидал каждое утро, что вот-вот они позвонят?» Он посмотрел на мрачное здание НКВД, раньше, когда здесь находилась администрация городских электрических заведений, оно не выглядело так зловеще, но с тех пор, как засели там чекисты, его фасад и крышу словно покрыла некая патина серости и глубокой печали. Днем за непроницаемыми окнами не ощущалось никакой жизни, а вечерами в них зажигались лампы, но толстые шторы не выпускали их свет наружу. «Самое высокое здание во Львове, потому что из его окон видна Сибирь», – грустно шутили львовяне.

У входа стоял часовой с винтовкой и тоже курил. «Может, не идти?» – подумал он, но выхода и так не было, а теперь уже негде и спрятаться. Сделав еще несколько шагов, увидел, как часовой вытянулся и уставился на него.

– Я к полковнику Ваврику, – как можно спокойнее сообщил Курилас.

Его уверенный голос, смелый взгляд вызвали у часового некоторое недоумение, но он подошел к двери и нажал звонок. Через минуту вышел дежурный.

– Он к полковнику Ваврику.

– Вас вызывали? – уточнил дежурный.

– Да. На два часа.

Дежурный и часовой одновременно посмотрели на часы. Курилас улыбнулся, узнав на их запястьях немецкие часы, которые они явно получили на совместном с немцами параде. А, может, отобрали у кого-то из львовян.

Дежурный исчез. Часовой не сводил глаз с профессора, видимо, опасаясь провокации. Опять открылась дверь, и из проема выглянул дежурный:

– Следуйте за мной, – скомандовал и пропустил посетителя вперед.

Курилас прошел в фойе и увидел, как сверху по лестнице спускается высокий крепкий мужчина, видимо, его ровесник, с густой слегка седоватой шевелюрой и грубо вытесанным лицом, испещренным оспинами. Он, улыбаясь, протянул руку:

– Это я вас вызвал, товарищ профессор. Пойдемте со мной.

Они молча поднялись по лестнице, застеленной длинной бордовой дорожкой, которую под каждой ступенькой придерживал металлический штырь.

Куриласа трусило, хотя перед тем, как идти сюда, он успел выпить лекарства для регулирования пульса и давления. Надо было лучше выпить водки, подумал он.

Полковник открыл дверь просторного кабинета и пригласил внутрь. Они сели по обе стороны громоздкого письменного стола. Вся мебель здесь была еще польской, очевидно, конфискованной в частных домах, на поверхностях сервантов, ранее стоявших с посудой на кухнях, теперь лежали папки с документами.

– Итак, – начал полковник, – Надеюсь, вы перечитали хронику еще раз?

– Перечитал. Даже дважды. И не понимаю, что именно вас в ней заинтересовало.

Полковник выдвинул ящик и вынул прозрачную бутылочку в форме груши, заткнутую деревянной пробкой с красным сургучом. Внутри этой колбочки белел снегообразный порошок.

– Нас интересует вот это, – полковник протянул ее профессору.

Тот взял колбочку и удивленно повертел перед глазами.

– Что это?

– Это именно то, что соскребали рыцари со стен в пещере.

– Молоко Богородицы? – взгляд Куриласа замер.

– Именно! Рыцаря Ольгерда коварно убили в Киеве. Его закопали под Софийским собором. Когда там проводились раскопки, нашли его скелет и вот этот порошок. Он находился в золотой фляжке, но наши люди падки на золото. Хорошо хоть, что для лабораторного исследования порошок успели пересыпать в колбу! Профессор Грушевский* первый высказал мнение, что это и есть то самое молоко Богородицы, которое было найдено в пещере. Часть порошка, конечно, оставалась в украденной золотой фляжке. Кто именно ее присвоил, нам выяснить не удалось. Однако Грушевскому было строго-настрого запрещено об этом писать и говорить. Он, конечно, не послушал, а затем несколько историков и археологов исчезли в сугробах Сибири. Его самого тоже не стало. Может, удивляетесь, что я вам так свободно все это рассказываю? Дело в том, что уничтожили этих образованнейших людей враги народа. За что и сами в тридцать восьмом были расстреляны.

– А чем я могу помочь?

– Ну, видите ли... – полковник забрал бутылку и спрятал ее в ящик. – Враги народа перестарались и фактически угробили всю историческую науку. Теперь у нас нет кадров, которые могли бы делать глубокие исследования. Вся надежда на тех, кто остался во Львове. Среди львовских специалистов мы выбрали вас, как известного исследователя крестовых войн и участия в них рыцарей из Галичины и Волыни. Что вы думаете о девушке, которая была спасена рыцарями?

– За которой охотились король Балдуин и Папа Римский?

– Да. Кто она по вашему мнению?

– Если полагаться на описанное в хронике, это вечно юная египетская богиня Маа или... Богородица. Но это не более, чем легенда.

– Легенда легендой, но все же есть в ней определенный смысл, – полковник поднял указательный палец вверх. – У Жозефа Ренана* я нашел интересную гипотезу о том, что Жанна д'Арк на самом деле не слышала голосов архангела Михаила, святых Екатерины Александрийской и Маргариты Антиохийской. Они не разговаривали с ней, потому что она сама была Богородицей. Девой-воительницей.

Курилас закашлялся от неожиданности, ему не приходилось ничего подобного читать у Ренана.

– Позвольте спросить, в каком именно из трудов Ренана есть такое высказывание. Ведь «Жизнь Иисуса» я читал.

– Не сомневаюсь, что читали. Но в том-то и дело, что это не из книг. Это высказывание было обнаружено в его бумагах. Работа так и осталась в рукописи, видимо, потому, что никогда не была завершена. Но он не единственный, кто так думал. Тома Кемпийский в письме к Папе писал о Богородице: «Она, как весна, вечно молодая, рождается в новом теле обычно юной Девы и в юном возрасте погибает, чтобы возродиться снова и снова. За ней охотятся все силы зла и добра, ее хотят поймать, а она каждый раз ускользает, как луч солнца с ладоней. То ее видели в Лондоне, то в Льеже, то в Саламанке, то в Мюнхене... Всегда она одна и та же и вместе с тем разная». Древние культуры и религии породили совершенную мысль – идею перевоплощения душ. Феникс – символ естественной жизни вселенной, вечно готовит себе сам костер для самосожжения, сгорает в нем, но из его пепла рождается новая, молодая и наполненная энергией жизнь. А главное – омоложенный дух! Молоко Богородицы позволит нам тоже, как Фениксу, возрождаться снова и снова, но уже не такими же, какими мы были, а совершеннее, просветленными, полными новых идей и возможностей. Жанна д'Арк была сама святой Екатериной, происходившей из египетской Александрии и погибла мученической смертью в 307 году. Поэтому ее изображение на иконах украшают меч и колесо. Она также была и святой Маргаритой из Антиохии, которая тоже погибла мученической смертью в 305 году в своем родном городе. В христианском искусстве ее изображают как деву, что держит в руке меч в виде креста. Впоследствии ее изображение на иконах стали все чаще встречаться рядом с изображениями святой Екатерины.

– Через два года после смерти святая Маргарита воплотилась в святую Екатерину? – удивился Курилас.

– Да.

Полковник, казалось, входил в экстаз.

– Но Жанну д'Арк сожгли, – робко напомнил профессор.

Глава 13

Киев, октябрь 2019. Интеллигентные дети мама не боятся

Такие квартиры Бисмарк видел раньше только в старых советских фильмах! Высоченную, под самый потолок дверь ему открыла девчонка в модно порванных джинсах и в «новогоднем» свитерке, на котором один олень трахал другого. С виду ей было лет шестнадцать, ну и вела она себя тоже соответственно.

– Твой дедушка дома? – немного фамильярно, но дружелюбно спросил ее Олег и, бросив взгляд на бумажку в руке, уточнил. – Польский Георгий Георгиевич?

– Это прадедушка, – поправила его девчушка. – Он уже давно не дома! – на ее личике проявилась озорная улыбка.

– А-а, извини! Я понимаю... Но я хотел о нем поговорить, я пишу историю украинской археологии!

Девчушка еще раз усмехнулась и пропустила его в холл, подождала, пока он снимет куртку и разуется, и провела в просторную комнату. На стенах – картины и фотографии в рамках, под большим трехстворчатым окном – круглый стол, накрытый синей скатертью со свисающей по краю бахро- мой. На столе – красная хрустальная ваза для цветов, бумаги.

– Устраивайтесь! – кивнула девчушка в сторону стола. – Бабушка скоро придет!

– А можно с тобой поговорить? Как тебя зовут? – Олег постарался как можно приветливее заглянуть в лицо правнучке археолога.

– Катя, – с готовностью ответила она и сама уселась за стол. – А о чем вы хотите поговорить? О результатах ЗНО?

– Нет, – заверил он Катю. – Почему ты так думаешь?

– Да со мной все хотят об этом поговорить! Ну, провалила я ЗНО, ну и что? Я ж в университет и не собиралась!

– А куда ты собираешься?

– А никуда! Хочу сначала к взрослой жизни присмотреться! Может, мне в ней вообще не понравится?

– А ты своего прадедушку хорошо помнишь? – перевел Олег разговор на более важную для него тему.

– Конечно! Очень хорошо!

– Он часто в археологические экспедиции ездил?

– Часто! И на конференции, и просто копать! Иногда целые коробки черепков разных привозил, прямо на полу у себя в кабинете раскладывал, потом пытался их как пазлы складывать...

Разговаривая с Катей, Олег присматривался к аккуратной стопке писем справа от вазы для цветов. Имя адресата было напечатано, а на месте обратного адреса стоял оттиск штампа, который окунули в «подушечку» с синим чернилам. Олег уже разобрал, что верхнее письмо адресовалось прадедушке Кати археологу Польскому. Показалось странным, что пачка старых писем, к тому же выглядевших не распечатанными, просто так лежала на обеденном столе!

– Катя, а ты можешь мне его кабинет показать?

Девчушка замотала головой.

– Ключ у бабушки, она туда никого не пускает.

– А что, кто-то уже просился?

– Да, несколько раз! Недавно один старик, который вроде с прадедушкой работал, в его кабинет просился! Бабушка его чуть с лестницы не спустила. А неделю назад целая толпа приходила – человека четыре. С его бывшей работы. Так она их на порог не пустила.

– А что они хотели? – оживился Бисмарк.

– Сказали, что диссертацию про прадедушку пишут. Просили его записи и дневники! Даже деньги бабушке предлагали! А бабушка послала их подальше. Она вообще-то грубая! Если я матюкнусь, то меня сразу по губам, а сама может такое сказать, что ни в п...зду, ни в красную армию!

– Ни фиги себе! – удивился Бисмарк и рассмеялся, из-за чего Катя тоже улыбнулась. – Где это ты таких выражений набралась?

– А где еще, в... у бабушки! – рассмеялась теперь девчушка.

– Что-то мне твою бабушку ждать расхотелось, – полусерьезно произнес Олег.

– Да подождите! – попросила Катя. – Мне тут одной все равно скучно! А вы – прикольный! Ну а если она вас пошлет, то пойдете! Куда денетесь!

– Да мне тоже так просто сидеть скучно, – гость развел руками. – Тогда расскажи что-нибудь о прадедушке! Все-таки не у каждой прадедушка академиком был! Может, что-то родители о нем рассказывали интересное?

– Рассказывали! – подхватила Катя. – Рассказывали, как к нему коллега из Германии приезжал! И они хотели вдвоем остаться, а к ним какого-то мужика приставили, чтобы за ними следил! Они вдвоем его спаивали прямо тут, в этой комнате. Укладывали вон на тот диван, – она показала на старинную не раскладывающуюся софу с высокой спинкой, заканчивавшуюся деревянной панелью с зеркалом. – А сами закрывались в кабинете и до утра болтали.

– Классный у тебя прадед был! Мне бы такого! – задорно произнес Олег.

– Почему был? – удивилась девчушка. – Он и есть. Он просто живет теперь далеко, поэтому не приезжает!

– Он что, жив? – глаза Бисмарка округлились.

– Ну да! В Греции, на каком-то островке! Там ведь островов – десять тысяч!

– Это тебе бабушка сказала? – не без ехидства недоверчиво спросил гость.

– Нет, не бабушка! Дедушка!

– О! Про дедушку ты мне еще ничего не рассказала!

– И не буду, раз вы мне не верите!

– Да верю, верю! Расскажи! – принялся ее упрашивать Бисмарк.

– Я пошутила.

– О чем? О том, что прадедушка жив?

– Нет, о том, что дедушка сказал! Дедушки я не знала. Он до моего рождения умер. На своей «волге» в Крыму разбился. А про прадедушку бабушка говорила. Он давно в Грецию переехал. И даже фотографии присылал! Я сейчас найду!

Катя вскочила со стула и убежала из гостиной.

Олег протянул руку к пачке писем, взял несколько верхних, поднес к глазам. Все они были действительно адресованы археологу, все не распечатаны. И штемпель на месте обратного адреса стоял одинаковый, иногда чуть смазанный.

«Громадська організація “Інститут-архів”», – разобрал Бисмарк. И тут же услышал приближающиеся шаги Кати. Успел сунуть письма в карман брюк прежде, чем девчушка вернулась в комнату.

– Вот, смотрите! – она протянула гостю фотографию, на которых седовласый и бородатый старик уверенно держал в руках удочку, сидя на деревянной лодке. За лодкой и рыбаком виднелся берег и домики, поднимающиеся вверх от берега по волнистому холму. Между белыми и голубыми домиками устремлялись в небо ровнейшие кипарисы.

– Ничего себе! – вырвалось у Олега. – А сколько же ему лет?

– Сто восемь, – восторженно ответила Катя.

– Сто восемь? – недоверчиво повторил гость. – Люди столько не живут!

– Это смотря какие люди! – усмехнулась девчушка. – Мы бы без него обанкротились! Знаете, сколько тут отопление зимой стоит? Восемь тысяч в месяц!

– А он что, вам деньги присылает?

– Ага! – Катя кивнула.

– А когда же он в Грецию уехал?

– Ну лет тридцать назад!

– Тридцать лет назад? – хитро усмехнулся Бисмарк, глядя на Катю. – И ты его так хорошо помнишь? Сколько же лет тебе тогда было?

– Ну ладно, – махнула рукой девчушка. – Не видела я его никогда! Пошутила! Но черепки он раскладывал – бабушка рассказывала! И он точно жив! Я не вру!

– А можно я это фото на мобильник сфоткаю? Для книги? – попросил Олег.

– Фоткайте! – Катя пожала плечиками, потом поправила свой новогодний свитерок, подтянула книзу.

Олег сфотографировал старого археолога на рыбалке и опять перевел взгляд на девчушку.

– А что ж вы эти письма прадеду не пересылаете? – спросил он, кивнув на пачку.

– Первые письма бабушка отсылала, а потом он сказал, чтобы на хер их выбрасывали и не беспокоили его этой чепухой!

– Тогда почему не выбросили «на хер»?

– Бабушка не умеет выбрасывать. Она сказала, что когда он умрет, ей станет очень скучно и она будет все его письма перечитывать. Тогда и эти перечитает.

Внезапно прозвучавший рингтон «Охрана! Отмена!» заставил Бисмарка вздрогнуть. Катя вытащила из кармана рваных джинсов мобильник.

– Да, ба! – сказала она. – Уже! Хорошо! Не, я дома! Ну давай!

– Через десять минут придет, – спрятав телефон в карман, сообщила девчушка гостю.

Олег сразу понял, о ком речь.

– Мне пора, – засуетился он. – Уже опаздываю! В другой раз зайду! Бабушку как зовут?

– Ируся!

– Ты можешь у нее спросить: захочет ли она рассказать об отце для книги? – попросил Бисмарк. – И если да, то дашь мне знать! Вот мой телефон!

Он оторвал от списка с адресами и именами археологов свободный краешек бумаги и написал номер мобильного.

На улице капал дождь. Спускаясь с Печерска по Институтской, Олег пытался дозвониться до Адика, но тот с кем-то болтал. На Майдане Олег снова набрал своего «наставника».

– Ну че? – спросил тот, даже не поздоровавшись.

– Ты не поверишь! – затараторил Бисмарк. – Он жив! Ему сто восемь лет!

– Кто? Кому?

– Польский, тот, что первым в списке!

– Ты его видел?

– Нет, он давно живет в Греции!

На другом конце прозвенел смех Адика:

– Ты идиот!

– Сам ты идиот! – разозлился Олег. – У меня есть его фотография!

– Ладно! Давай встретимся! Могу к тебе зайти через полчаса!

– Я еще не дома! Давай через час! – более спокойным голосом предложил Бисмарк.

В подземном переходе кто-то играл на бандуре. Под кафельными стенами стояли местные бомжи. В воздухе витал запах пережаренных пончиков. Все это подгоняло Бисмарка, толкало его в спину. Он выскочил из перехода под дождь на другой стороне Майдана.

– А может, я действительно лох? – подумал, ускоряя шаг. – Девочка-то не подарок! И ЗНО, к тому же, провалила!

Глава 14

Львов, май 1941 Богдан Курилас. В НКВД угощают коньяком

Ваврик снисходительно рассмеялся, наклонился, вынул из стола бутылку коньяка и разлил по рюмкам. «Угадал мое желание?» – удивился Курилас и выпил рюмку одним духом, не смакуя. Полковник налил снова и сказал:

– Все же ваша узкая специализация сказывается. Вы знаете все о крестовых походах, но о Столетней войне, видимо, не все. Уже есть новейшие исследования о том, что сожгли не Жанну, а ведьму, которую выдали за Орлеанскую деву. Никто не видел, кого казнили, потому что на голове у нее был колпак. Я не буду здесь вам читать лекцию, скажу только, что в архиве Ватикана сохранился допрос жителей села Домреми, где якобы родилась Жанна. Все они в один голос утверждали, что она не крестьянка, а дочь Изабеллы Баварской и Людовика Орлеанского. В конце концов, о ее королевском происхождении свидетельствовал и ее щит с гербом Карла Седьмого.

– Да, я читал, что современников поражало, как она ловко ездил верхом, как орудовала копьем.

– И это тоже. Но самое интересное, что в отчетах инквизиции нет ни одного упоминания о ее казни. Итак, историки сходятся на том, что ее во время казни подменили. Хотя это для нас несущественно. Она всегда возрождается. Приносит сама себя в жертву и возрождается. Понимаете? – Полковник налил коньяка и спросил, прищурившись. – Что вы об этом думаете?

Курилас уже не глотал коньяк, а смаковал и растягивал удовольствие. Напряжение его отпустило.

– Простите, но я должен подумать? – пробормотал он. – Я атеист.

Полковник рассмеялся.

– Перестаньте. Живя под поляками в Галичине, вы не могли быть атеистом. Вы же ходили в церковь.

– Не регулярно, – защищался Курилас, ни за что не желая раскрывать энкаведисту свои отношения с «опиумом для народа».

– Ладно, это не имеет значения. Нас не интересуют ваши контакты с Богом. Нас интересуют ваши мысли о том, что я вам только что рассказал.

– Красивая легенда. Пожалуй, еще дионисийская. Античная легенда про вечно юного Диониса. А потом, видно, церковники адаптировали ее в легенду о Богородице.

– Проблема в том, товарищ профессор, что это не легенда, – постучал по столу пальцами полковник. – Мы этим вопросом занимаемся уже несколько лет. Лично я перелопатил множество источников и нашел довольно много различных свидетельств о появлении этой вечной девы в разные эпохи. Иногда, правда, невозможно идентифицировать – она это или не она. Но в основном, как в случае с Жанной д'Арк, сомнений не возникает. Чтобы вам было проще понять: мы ее ищем.

Курилас почувствовал, что потеет от волнения, и глубоко вздохнул. Он понимал, что спорить смысла нет и приготовился покорно слушать весь этот бред до конца.

– У вас есть доказательства того, что она появлялась и в наше время? – спросил осторожно.

– Да, есть. Она появлялась во все века. И рядом с ней всегда возникал тот рыцарь, который спас ее недалеко от Иерусалима. Видимо, за это спасение она даровала ему бессмертие.

«Господи, – подумал Курилас. – Это действительно НКВД или сумасшедший дом? Я не сплю?» А вслух спросил:

– Ольгерд? Так он что, тоже вечный?

– Да. Он тоже возрождается, чтобы стать верным оруженосцем своей Святой Девы. Какая-то сверхъестественная сила объединяет их, и тогда они сходятся. Хотя этого и не осознают. Делают это инстинктивно, не как люди, а как птицы или бабочки. Здесь, между прочим, есть одна интересная вещь... Дело в том, что не только рыцарь не осознает... или лучше сказать, не догадывается о своем великом призвании, но и сама Пречистая Дева. Понимаете? Потому что действует мощная сила инстинкта, которая заставляет птицу летать, рыбу плавать, а змею ползать.

– То есть Дева не знает, кто она?

– Она знает, что она другая, особенная. Не такая, как все остальные люди. Она может быть храбрее, может обладать некоторыми другими особыми способностями, например силой убеждения, а, может, и гипнозом. Были зафиксированы случаи, когда она прекрасно фехтовала, стреляла, скакала на лошадях, даже защищалась в рукопашном бою от нескольких нападающих. В воспоминаниях о великой мексиканской поэтессе Хуане Инес де Асбах и Рамирес де Сантьяна, известной как сестра Хуана Инес де ла Крус, которая стала монахиней и умерла в 1695 году, рассказывается, как однажды ученые мужи, чтобы унижить ее таланты и научные способности, решили над ней посмеяться. Мол, не владеет она ни языками разными, ни знаниями по астрономии, истории и поэзии, и трактаты ее – сплошная фикция. Но она доказала, что это не так и пристыдила их. Инес была красавицей, за сердце которой боролись многие родовитые юноши. Так было, пока она не постриглась в монахини. Один из ее недругов, подстеревши ее, когда она прогуливалась в парке недалеко от монастыря, попытался ее изнасиловать. Ему удалось сбить ее с ног, но она перехватила обе его ладони и сжала их так, что раздавила все косточки. Ладони превратились в две тряпки. Этот неудачник затем сколько ни рассказывал, что на него напала монахиня и искалечила ему руки, никто, конечно, в это не поверил.

– А кто был свидетелем этому?

– Еще один великий мексиканский ученый Карлос де Сигуенса, тот, что умер в 1700-м. В рукописях архива Иштлильшочитла он обнаружил записи 1531 года, посвященные появлению Богородицы, и посвятил ей поэму, где высказал мнение о непобедимости Богородицы, о ее фактически постоянном присутствии, потому что записанные тогдашние свидетельства о ее и исчезновениях и появлениях указывают на удивительно краткие промежутки времени. Сигуенса также впервые стал настаивать на том, что индейцы-ольмеки переселились в Новый Свет из Атлантиды. А теперь внимание! В том же архиве он нашел старинную рукопись, где записано путешествие индейцев через океан. Там есть изображения кораблей. На кораблях плывут индейцы. А на переднем корабле на самом носу стоит девушка в длинном платье. Ветер развеивает ее волосы. В руках она держит знамя! – полковник сделал паузу, чтобы Курилас мог успеть переварить всю эту информацию, однако не заметил на лице собеседника особого восторга, глаза того были спокойны, словно, погружены в себя. Полковник откинулся на спинку кресла и заключил: – А о том, что было изображено на парусах, я вам расскажу чуть позже.

Курилас задумался. Он все еще не мог понять, чего от него хочет этот чекист.

– Вы говорили о рыцаре, который сопровождает Деву, – спросил он. – Чем он вообще занимается?

– Чем угодно. Ведь я говорил, что он не осознает своего призвания. Но часто вмешивается в определенные исторические события. То есть мы ищем и его. Потому что, где он – там и она.

– Но почему вас интересует она?

– Видите, в колбочке всего каких-то пять граммов этого снегоподобного молочного порошка. Это до смешного мало. Наши ученые пытались выяснить химический состав, но ничего у них не получилось. Нам не удастся его синтезировать. А если бы удалось, мы могли бы его поставлять нашей армии, пусть и в маленьких дозах, но это был бы мощный стимул

для наших воинов. Они стали бы непобедимы. Разве вы, профессор, не мечтаете, чтобы мы, большевики, завоевали весь мир?

Курилас поспешно закивал:

– Да, конечно...

– Ну, вот. Вот вам и цель. Разве не благородная? – определенно обрадовался ясности своей мысли чекист. – А еще это молоко исцеляет от различных болезней и продлевает жизнь. Мы могли бы выбирать нужных для государства граждан. Например, таких, как вы, профессор, и выделять для них определенные дозы, чтобы они жили как можно дольше на благо родины.

– Это интересно... интересно... И в этом вам должна помочь Богородица?

– Именно так.

– Но каким образом?

– Не догадываетесь? – полковник улыбнулся. – Как молоко появляется у женщин?

– Ну... известно... когда женщина забеременеет.

– О! – улыбнулся полковник, и глаза его блеснули энтузиазмом. – Значит, достаточно лишь, чтобы Богородица родила, и мы будем иметь столько молока, что его хватит для завоевания всей планеты. Хотя должен вам сообщить еще одну интересную деталь. У Марии, которую описал Ольгерд, молоко выделялось ежемесячно. Без беременности. У врачей это явление называется «ложным материнством». Слышали о таком?

– Нет.

– Ну, да, вы ведь по уши погружены в свои трактаты и хроники. А в медицине это явление хорошо известно.

Курилас почувствовал грусть и отчаяние. Он не видел ни одного лучика света в том длинном слепом туннеле, который раскрылся перед ним в монологах полковника. С обеих сторон глухие темные стены, впереди темнота, позади пропасть. Что они от него хотят?

Словно угадывая его мучительные размышления, полковник сказал:

– Сейчас я вам покажу то, о чем вы, вероятно, не слышали. Но сначала распишитесь.

Полковник подsunул профессору заполненный, напечатанный на машинке бланк, на котором прочитывалось: «Я, имя, фамилия, обещаю не разглашать ничего из того, что услышал от работников НКВД. Дата. Подпись».

– Э-э... – сказал робко Курилас, крутя в руке авторучку. – Эта подпись будет касаться того, что я уже услышал?

– Конечно. Чистая формальность, – ответил полковник.

– Да... хорошо... Следовательно, это не касается того, что услышу далее?

Полковник удивился:

– Как же не касается? Касается.

– Но если я подпишу эту бумагу до того, как вы мне еще что-то сообщите, она будет касаться только того, что я уже «услышал», но не будет касаться того, что я «услышу» после подписания.

Полковник насторожился и внимательно посмотрел на Куриласа, затем выдернул из-под его пальцев бумажку и решительным голосом произнес:

– Ладно. Подпишите, когда услышите!

Глава 15

Киев, октябрь 2019. Как найти правильный греческий остров?

В коридоре Бисмарк споткнулся о женские ботинки. А по глазам с вешалки ударил яркий желтый цвет куртки Рины, показавшийся вдруг ядовитым.

Олег резко распахнул дверь в комнату, чтобы громко поздороваться и задать ей пару вопросов, но так и замер в проеме, увидев, что Рина спит. Спит под одеялом на его диване, оставив одежду на сидении стула.

Тихонько прикрыв дверь, он отправился на кухню. За окном посветлело. Видимо, закончился дождь.

Он вынул из кармана украденные у археолога конверты. Просмотрел их. Совершенно одинаковые, с тем же адресатом и отправителем, они отличались только датами на почтовых штемпелях. Последний датировался двадцать девятым ноября 2017 года.

– Ну что ж, – выдохнул, улыбаясь, Олег. – Из уважения к отправителю почитаем в качестве получателя!

«Уважаемый Георгий Георгиевич!

Ваше молчание меня удивляет! Если вы не можете занести сами, пришлите дочь! Иначе Виталий Петрович умрет и его смерть будет на Вашей совести!

Игорь»

Текст был напечатан не на принтере. Вдавленные в бумагу буквы удивили Олега. Он провел пальцами по тыльной стороне письма, ощутил бугорки букв. Понял, что письмо печатали на старомодной пишмашинке. Задумчиво вздохнул и открыл следующий конверт, датированный сентябрем 2017-го. Внутри оказался точно такой же текст. Как и в остальных, включая самое раннее письмо за март 2015-го.

«Долго же этот Виталий Петрович не умирал, – подумал Бисмарк. – Наверное, и в остальных оставшихся на столе конвертах такое же послание! Недаром Польский попросил дочь не пересылать ему в Грецию этот мусор!»

Звонок в дверь заставил Олега оглянуться.

– Привет! – задорным пионерским голосом крикнул Адик, заходя в коридор.

– Тише, – Олег приложил указательный палец к губам. – Там дама спит! – Он показал на дверь в комнату.

– Одна или с братом? – пошутил Адик, но уже потише.

Олег не ответил. Молча подождал, пока гость разуется и повел его за собой на кухню.

– Это что у тебя? – заинтересовался Адик, увидев вскрытые конверты и развернутые письма.

– На, почитай! – Олег протянул ему одно из посланий. – Из квартиры археолога унес. Там еще десятка три таких осталось. Все одинаковые! Да садись уже!

– Ты что, действительно думаешь, что он жив и живет в Греции? – отложив прочитанный листок на стол, Адик уставился Бисмарку в глаза.

– Да, – ответил Олег и услышал в своем голосе нотку неуверенности. – Наверное, это можно проверить! Чтобы точно знать!

– А ты знаешь, как сейчас тысячи умных людей выживают? Очень просто! Бабушка-дедушка умерли, они их тайно захоронили без справки о смерти и венков с надгробиями! И продолжают получать их пенсии! – Адик сделал паузу, следя за выражением лица младшего товарища. – Поэтому и стало так много долгожителей в стране с плохой экологией и безнадеж-

ной медициной! Поэтому твоему старичку и исполнилось сто восемь лет! Поэтому его и нет дома, а письма все идут и идут! Он в Греции! Он в той Греции! – Адик ткнул пальцем в небо за окном кухни.

– Но дочка-то его жива, – пошел на попятную Бисмарк. – Может, ты хочешь с ней встретиться и поговорить? Она, правда, по словам внучки, всех матом посылает!

– Значит и меня пошлет! – быстро ответил Адик. – Я не харизматичный! Меня и без повода посылают. Просто так!

– Сочувствую, – усмехнулся Бисмарк.

– Не надо! Это жить не мешает! Лучше скажи, ты там кроме писем что-нибудь нашел?

– Всё под замком в кабинете, а ключ от замка у той самой бабушки, которая всех матом посылает! Кстати, к ним уже приходили и просили архивы и дневники. Бабушка всех послала!

– А ты с кем говорил?

– С правнучкой.

– А если через нее? Если ей айфон пообещать?

– А за какие бабки я ей айфон куплю? – возмутился Олег.

– Я не сказал купить, я сказал пообещать! – Адик подчеркнул свою мысль поднятым вверх указательным пальцем. – Ладно! Подумай о правнучке, а что там с другими адресами? Когда по ним пойдешь?

– Могу завтра! После работы.

– А ты что, сегодня на работу ходил? – удивился Адик.

Бисмарк отрицательно мотнул головой.

– Надо увольняться, – выражение лица Адика стало серьезным. – Там нам больше делать нечего.

– Ты тоже будешь увольняться? – спросил Олег.

– Я уже уволился. Мне ж только их корочка была нужна. А делать там все равно нечего! Тем более, за пять тысяч гривен в месяц!

Бисмарк тем временем достал список с фамилиями и адресами археологов, решив выбрать самый близкий к своему дому адрес для завтрашнего похода. На Липской он уже побывал. Теперь оставались Межигорская, Оболонская набережная и бульвар Перова. «Что ж они так вразброс поселились!» – думал Бисмарк, перепрыгивая взглядом со строчки на строчку. – «Нет, чтобы жить в одном доме для всех археологов?! Ведь писатели в то время жили в домах писателей, композиторы и ученые в домах для композиторов и ученых! А археологов во как разбросало по Киеву!»

Он покачал головой вслед своим мыслям. И вдруг что-то его словно укололо! Он еще раз внимательно перечитал список, не обращая внимания на Адика, решившего проверить на смартфоне почту. «Клейнод Виталий Петрович» – третий в списке археолог, проживавший когда-то на Межигорской, привлек внимание Бисмарка. Он взял в руки конверт, всмотрелся еще раз в синюю прямоугольную печать с указанием адреса отправителя. «Громадська організація “Інститут-архів”», вул. Межигірська 24, офіс 49-б»

– Вот так примус! – прошептал изумленно Олег и этим отвлек Адика от смартфона.

– Че там? – поинтересовался гость. – Какой примус!

– Да это я так, шучу! Совпадение нашел! – Олег внезапно перешел на наигранный голос известного телевизионного ведущего. – Совпадение? Не думаю!

И подсунил под нос Адик конверт и список археологов, показав указательным пальцем, на что следует обратить внимание.

– Интересно, – протянул Адик через минуту. – Ну так и сходи туда завтра! Может, и этот Виталий Петрович еще жив? И пенсию свою получает!

По ехидноватой улыбке Адика Олег понял, что его и в этот раз всерьез не восприняли.

– Ну и хрен с тобой! – подумал он. – Если ты меня за дурака держишь, то и я буду тебя за дурака держать!

За окном опустились сумерки.

– Попробуй со следующей родней археологов быть понастойчивее! – уже стоя на пороге, Адик решил дать последние наставления. – Если надо, выпей с ними! И квартиры внимательно осматривай! Вдруг они по глупости дедушкины золотые находки в серванте или на тумбочке держат!

После ухода Адика в квартире воцарилась приятная, домашняя тишина. Олег заглянул в комнату. Послушал ровное размеренное дыхание спящей Рины. Снова осторожно прикрыл дверь и вернулся на кухню. Достал компьютер, скинул туда со смартфона фото сто восьмилетнего археолога, увеличил. Стал всматриваться в детали, в прибрежный городок, живописно спускавшийся к воде с волнистого холма. В виллы с едва различимыми террасами, в фасады кафе и ресторанов на набережной. Один снежно-белый двухэтажный домик с распахнутыми синими ставнями по бокам окон остановил на себе внимание Бисмарка. Над его открытой синей дверью виднелась вывеска с не очень четким названием. Несколько букв. Но что-то Олегу подсказывало, что именно по этому домику он сможет определить и остров, и городок – слишком этот домик отличался от ряда других безликих прибрежных построек.

Увеличив домик до максимума, Олег «вырезал» его и превратил в отдельную фотографию. Скинул в поисковик фото гугла. И тут же гугл выдал сотни похожих домиков, очень похожих, но все-таки других.

Олег терпеливо скролил бесконечную ленту фотографий вниз. Он уже понял, что домик этот вполне типичный для греческих островов, настолько типичный, насколько типичными оказались те здания, которые он в мыслях назвал безликими. Дойдя до самого низа ленты выброшенных гуглом фотографических квадратиков, Олег остановился. Присмотрелся к последнему ряду. И тут ему показалось, что удача повернулась к нему лицом. На втором снимке слева не только домик оказался удивительно похожим, но и вывеска полностью совпала по размерам и количеству букв. Но на предложенной гуглом фотографии эти буквы читались! Ресторанчик назывался «Ormos». И не важно, что это слово могло означать, важно было то, что теперь по слову и дому можно попытаться узнать адрес прадедушки хулиганистой девчонки с Печерска.

После щелчка курсором по фотографии, перед ним на мониторе открылась другая страничка, тоже полная фотографий, но еще и с текстом: «Come and enjoy silence, sun and sea among traditional tavernas and ancient Greek ruins! Ormos is waiting for you!»

– Ормос тебя ждет! – перевел шепотом Олег последнюю фразу и в новом окне монитора вызвал карты гугла, а в поисковик забил «Ормос» и сразу вынесли его карты гугл в Эгейское море. Даже показалось, что он услышал шум волны.

Это дул ветер за окном. Не сильно, но настойчиво.

– И после этого он говорит, что я – идиот? – вспомнил Бисмарк с усмешкой слова Адика. В глазах вспыхнул огонек самоуверенности и восторга. – Посмотрим, кто из нас двоих раньше найдет то, что этот старик откопал!

Чувство победителя не отпускало Олега и когда он раздевался в темноте и лез под одеяло к спящей там гостье. Но как только его рука коснулась горячего тела Рины, Олег испуганно замер. Он вспомнил о втором одеяле, о том, как они уже спали вроде бы и рядом, но не вместе. Поднялся, достал второе одеяло. Улегся рядом, на животе. Левая рука сама полезла на ее сторону. Сначала легла на бедро, мягкое, горячее, зовущее. Потом полезла вверх и пальцам стало еще жарче – они коснулись груди. Они погладили грудь и дотронулись до соска, твердого, шершавого. И тут подушечки пальцев стали мокрыми. Он их вытер о простынь и вернул пальцы на грудь, на сосок. И снова ощутил на пальцах влагу. Вытащил руку из-под ее одеяла, поднес к губам.

– Молоко! – обомлел он, облизывая губы. – Ни хрена себе! Так она же беременная! А ведет себя, как девственница?! Вот так проходимка!

Сердитая бодрость заставила Олега выбраться из-под одеяла. В трусах он ушел на кухню, чувствуя себя полным идиотом и лохом.

– Нет, Адик все-таки прав! – думал он. – Я действительно идиот! Отдать ключи неизвестно кому? И даже не потребовать ответа: почему эти ключи оказались у какого-то «брата» Коли? Ну, сука, подождем до утра! Утром я точно задам все эти вопросы! И ключи заберу нафиг! Это мой дом! Только мой и ничей больше!

Холодный язык ветра коснулся голых плеч Олега. Он закрыл форточку. Спать больше не хотелось.

Глава 16

Львов, май 1941. Богдан Курилас с удивлением узнает, что полковник Ваврик в совершенстве владеет не только украинским языком, но и русским «кирзовым»

Полковник вытащил из ящика толстую папку и раскрыл ее.

– Существует так называемое Каирское чудо, описанное в нескольких источниках. Суть его такова. Ежегодно в последний четверг марта толпы народа валят на местное кладбище, чтобы посмотреть на чудо, когда мертвые оживают. Земля как бы корчится в родовых муках – то рука из нее вырвется, то нога выдвинется и снова исчезнет, кое-где появляется и голова, и смотрит широкими глазницами. Бывает, что и тело появляется, но только по пояс, потом, обессилев, возвращается обратно в землю.

– Это похоже на обычное мошенничество, – покачал головой Курилас. – Группа людей соглашается принимать в этом участие, их присыпают землей, а затем они играют свои роли.

– Я знал, что вы так скажете, – неизвестно почему обрадовался полковник. – Но есть описания очевидцев. Филипп Камерарий, известный ученый, советник гессенского курфюрста и вице-канцлер Альтдорфского университета описал это явление в книге «*Centuria historica*» в 1628, изданной в Лейпциге, и еще Симон Гулар, женеvский пастор и поэт – в книге «*Histoire admirable de nostre temps*», изданной в Париже в 1607 году. Могу назвать еще несколько источников, но все они сводятся к одному выводу – это не мошенничество. Все эти очевидцы могли приблизиться, хорошо рассмотреть головы мертвецов, услышать вылетающие из их былых уст звуки. Более того – почувствовать сладковатый трупный запах. И это можно, конечно, театрализовать, но мертвецы при приближении к ним называли имена тех, кто осмелился подойти. Они обращались лично к упомянутым Камерарию, Гулару и к не упомянутым Шуленбургу и другим. И что особенно интересно: обращались к ним на их языках! Хотя там похоронены были одни лишь арабы. Понимаете? А секрет весь в том, что там тоже когда-то пролилось молоко Богородицы.

Курилас кивнул.

– Допустим, что так и было. Однако мне бы хотелось ознакомиться с этими источниками.

– Без проблем. Мы все для вас подготовили. Вам поручается отследить сигналы, оставляемые явлениями Богородицы.

– Каким образом? – удивился Курилас.

– А вот каким. Слышали ли вы о книге Еноха? Конечно, слышали.

– Не только слышал, но и читал. Правда только первую.

– Значит, вы не читали вторую книгу Еноха «Книгу тайн» и третью «Книгу небесных дворцов»?

– Нет.

– А была еще четвертая – «Книга Пречистой Девы».

– Никогда о ней не слышал, – удивился Курилас.

– Четвертая книга Еноха – существует только в коптском варианте. Там, между прочим, расписано, когда и где Богородица должна появиться. Все это, конечно, зашифровано в тексте. Но... благодаря уже известным ее явлениям можно попробовать расшифровать будущие. Вы же расшифровали тексты индейцев какчикель. Расшифруете и эти.

И полковник протянул профессору манускрипт в кожаном переплете.

– Заметьте, я передаю в ваши руки бесценную реликвию, которая существует только в одном экземпляре. Итак, вы получаете оригинал. Прошу обращаться с ним, как можно деликатнее. К сожалению, сделать копию не удалось. Даже с помощью электрофотографии...

– Электрофотографии? Впервые слышу.

– Хе! – полковник подскочил от радости. – Такого устройства ни у кого нет. Даже в Америке. Правда, мы его именно оттуда и получили. Там один изобретатель Честер Карлсон еще в 1938 году создал электрическое копировальное устройство. Наши разведчики получили чертежи, и мы это устройство собрали здесь. Оно, правда, сначала хорошенько чернило бумагу, но наши умельцы его усовершенствовали. Работает безупречно. Но четвертая книга Еноха ему оказалась не под силу. Дело в том, что манускрипт написан на пергаменте из кожи птицы *Nucatanassa carcinocatactes* – это давно вымерший вид цапель. Книгу невозможно ни сфотографировать, ни скопировать другим способом. Можно только переписать от руки. Но у нашего научного сотрудника, которому было поручено сделать рукописную копию, сначала отнялась правая рука, а потом остановилось сердце.

Курилас осторожно коснулся переплета, хотя уж горел от желания немедленно погрузиться в манускрипт. В то же время возникли сомнения, боязнь, что это отвлечет от чего-то более важного. Конечно, придется оторваться от научной работы, которую он писал, но с другой стороны, чем это не повод для встречной просьбы? «Почему я стесняюсь? Если от меня что-то требуют, то и я могу?» – подумал он.

– Тогда я бы вас хотел попросить, – начал он робко.

– Пожалуйста, мы поможем всем, что в наших силах. Ваше благополучие в наших общих интересах.

Профессор не стал оспаривать мнение об общем интересе и продолжил:

– Мне в квартиру подселили целых три семьи, они очень шумные. Я не могу работать в таких условиях. И еще одно... На днях арестовали нашу служанку за мелкую ссору с квартирантами. Нельзя ли ее вернуть? Потому что, знаете, нам с женой бегать по магазинам да выстаивать очереди очень тяжело и отнимает немало времени.

– Нет вопросов, – на удивление быстро отреагировал полковник, взял телефонную трубку, накрутил три цифры и скомандовал по-русски: – Кравцова ко мне. – Потом улыбнулся Куриласу и сказал по-украински: – Сегодня ваших квартирантов уже не будет.

– А ку... куда они денутся? – у профессора перехватило дыхания от неприятной догадки.

– Найдем им другую квартиру. А здесь для вас еще один сюрприз, – и он положил рядом с манускриптом папку. – Там внутри продолжение хроники Ольгерда.

– Что? – удивился Курилас. – Она же была утрачена!

– Вы правы. Потеряна. Однако нашлась. Теперь у вас есть все для того, чтобы разыскать Деву, – Он развернул папку, перевернул несколько пергаментных листов и показал пальцем на довольно четкое изображение всадников на последней странице манускрипта.

– Прошу обратить внимание на эту печать. Что вы видите?

– Вижу двух всадников на одной лошади.

– А если повнимательнее?

Профессор наклонился к картинке на пергаменте.

– А! – удивился он. – Тут три всадника!

Полковник довольно улыбнулся.

В дверь постучали, Ваврик крикнул: «Заходи!» В кабинет вошел военный.

– Лейтенант Кравцов по вашему приказанию прибыл.

– Вот тебе адрес, – Ваврик протянул бумажку. – Там три фамилии. Всех нахер выселить. Сейчас же.

– А... а куда? – растерялся тот.

– А посмотри там, чья квартира освободилась. Кажется с Личаковской вывозили кого-то... Вот туда тех и засунь с их барахлом. И закрой дело по прислуге товарища профессора.

– То есть снять все обвинения? Но она обозвала старую большевичку...

– Знаю, «старой шваброй», – улыбнулся полковник. – А ты считаешь ее молодой шваброй?

Кравцов громко расхохотался.

– Никак нет, товарищ полковник.

– Ну, так пусть прислуга возвращается на прежнее место работы.

– Есть.

Лейтенант отдал честь и вышел. Ваврик подождал, пока закроется за ним дверь и обратился к профессору, который только мгновение назад с удивлением прислушивался к этому судьбоносному диалогу и не мог не поразиться той легкости, с которой полковник переходил с грамотного украинского на кирзовый русский и обратно.

– Как вы думаете – кто эти всадники?

– С первого взгляда показалось, что это сарацины, так как они ехали в поход по двое на коне.

– Возьмите, – полковник протянул лупу и с нескрываемым самодовольствием следил за каждым движением Куриласа.

Профессор поднес лупу к печати:

– Теперь вижу, что это крестоносцы.

– Все мужчины? – спросил Ваврик.

– Похоже, что все... А кто же еще?

– А посмотрите внимательнее – здесь полковник уже торжествовал. – Разве вам не кажется, что крестоносец посередине – женщина?

– Откуда это видно?

– Потому, что она прижалась к переднему грудью и даже голову положила на плечо.

– Так, может, он того...

– Гомосексуал?

– Почему бы и нет? Они существовали еще и в античности. А во всех замкнутых средах, тем более в орденах, это практиковалось.

– Да. Но не в этом случае. Передний рыцарь, как и тот, что сзади, имеют открытые головы. Капюшоны плащей заброшены за спину. У переднего и заднего шлемы привязаны к седлу, и волосы у них до плеч. А вот у этого, что посередине, капюшон закрывает голову, видно только узкий профиль лица. Ответ прост...

– Вот оно что! – удивился Курилас. – Это действительно женщина, которой надо спрятать свои волосы, поэтому она в капюшоне. Итак, это рыцарь Ольгерд и та таинственная дева?

– Именно!

– Кто же тогда третий?

– Возможно, тот, кто потом убьет Ольгерда в Киеве. А, возможно, еще один охранник девы. Кстати, я обещал вам рассказать о парусах на корабле, которым Дева плыла в Новый Свет.

Полковник положил на стол фотографию старинного рисунка, на котором хорошо был различим корабль, девушка со знаменем, а на парусе красовались три всадника на одном коне. Правда, эти всадники больше походили на древнегреческих воинов, чем на рыцарей.

– Это тот корабль из Атлантиды? – спросил Курилас.

– Именно тот!

– Позвольте... но я не понимаю... Атлантида ушла под воду еще до нашей эры, а Богородица.

– Да, вы правы, – снова обрадовался полковник. – Богородица – это уже наша эра. Но мы же с вами говорили, что Дева вечна. Или в образе египетской богини Маа, или шумерской богини Инанны, или аккадской богини Иштар. Она была всегда. И история ее жизни всегда повторяется.

Глава 17

Киев, октябрь 2019. Манья преследования часто переходит в манию величия

– О чем ты хотел поговорить? – напряженно спросила Рина, когда они спустились в бар-подвальчик на Большой Житомирской. – Что, нельзя было дома?

Она непонимающе смотрела на удивительно неприветливого Бисмарка, который молча выпил с ней кофе на кухне, а потом требовательным тоном приказал собираться и идти за ним. Он и сам удивлялся сейчас: как это она так быстро и легко повиновалась ему и пришла сюда, даже не спросив, куда он ее ведет.

«Ни хрена себе! – возмутился мысленно Олег. – Она мой дом уже считает своим!»

– Тебе коньяк? – спросил он, проигнорировав ее вопрос, и тут же заказал у девушки за барной стойки два по пятьдесят «Закарпатского».

Уселись за угловой столик. Этот бар мог показаться уютным только после двух-трех бокалов коньяка. Олег уже заходил сюда пару раз и, надо признать, оба раза ему тут не понравилось. Слишком низкий потолок, слишком мрачные стены, по которым куда-то еще глубже под землю спускаются чугунные трубы канализации, а из них иногда доносится мокрый шелест воды.

Почему он ее сюда привел? Он этого и сам толком не понимал. Может именно потому, что здесь, в этом баре, слишком явно ощущался подвал, помещение казалось тесным и недружелюбным? Как какая-нибудь подвальная камера НКВД или гестапо в советском фильме. Сознательно или подсознательно, но он ее привел сюда на допрос. Или, возможно, он просто хотел отвести ее подальше от дома, и одновременно свой гнев желал выходить-вытоптать, передать через подошвы ботинок асфальту. И ведь на самом деле, сейчас он был сердит скорее по инерции, чем в действительности. Его гнев давно поглотила усталость из-за бессонной ночи, последние два часа которой он все-таки провел на диване под своим одеялом рядом со спящей Риной. Только вот рукам он уже волю не давал.

– Ты мне ничего не хочешь рассказать? – продолжая сохранять на лице мрачное, враждебное выражение, спросил он.

– А что я могу сказать? – Рина попробовала коньяк, скривила губки и отодвинула бокал от себя.

– Что, фальсификат? – ехидно спросил он.

– Дешевый коньяк от фальсификата почти не отличается, – спокойно проговорила она. – Да и мне сегодня не хочется пить! Это только когда депрессия догоняет! Так что ты хочешь от меня услышать?

– Ну, например, «Олежка, я жду от тебя ребенка!»

– Мальчик, – удивилась Рина. – Мы же с тобой не любовники!

– О! Точно! – закивал Бисмарк. – Тогда расскажи, что ты делаешь у меня в квартире?

– Ты проявил милосердие и великодушие и пустил меня в трудную минуту пожить у себя дома, – совершенно спокойно произнесла она.

Бисмарк тяжело вздохнул. По крайней мере, она признает, что это его дом!

– А с «братом» Колей ты у меня дома случайно не встречалась? Ну как на свидании?

– «Брат» Коля мне как брат, он тоже не любовник!

– И ребенка ты тоже не ждешь?

– С чего ты взял? – спросила она, прищурившись, словно всматриваясь в его глаза, что могло бы оказаться делом не простым из-за скудности освещения.

– Знаешь, я же не совсем дурак! Вчера вечером, когда ложился спать, случайно дотронулся до твоей груди... У тебя молоко!

– Случайно дотронулся до моей груди? – повторила Рина и губы ее расплылись в улыбке. – Больше ты ни до чего случайно не дотрагивался?

– Ты будешь все в шутки переводить? – Бисмарк не сдавался и действительно в его голосе прозвучало искреннее раздражение.

– Если бы ты был врачом, я бы тебе легко все объяснила, но ты же электрик, – Рина пожалала плечиками. – Я не думаю, что электрики или археологи разбираются в редких медицинских состояниях!

– В болезнях?

– Нет, в состояниях. Есть болезни, а есть состояния, которые тоже не являются нормой, но особенно жить не мешают и не лечатся. Так вот у меня такое редкое состояние, с подросткового возраста. Молочные железы ведут себя так, как будто я жду ребенка или уже родила. Но при этом месячные приходят и уходят согласно графику. Если надо доказательство, то прошу пару дней подождать!

– А че это за состояние? – раздражение покинуло Олега, уступив место осторожному любопытству.

– Синдром ложного материнства, генетика плюс сильно развитый материнский инстинкт. Другого объяснения нет. Я, кстати, еще ни разу не беременела и аборт не делала, так что других причин этого состояния быть не может.

– Хм, – промычал Олег, осознав, что больше на эту тему ему сказать нечего.

Пригубил коньяк. Задумался.

– Так а кто все-таки тебе этот Коля? – снова поднял на нее глаза.

– Ангел-хранитель. Добрый айтишник. Маменькин сынок. Он меня спас однажды. Я выпившей была, шла по улице, а тут машина рядом остановилась, два мужика выскочили, стали меня внутрь заталкивать. А он с другой стороны улицы перебежал, разбросал их по асфальту, а меня за руку и в один из дворов уволок. Потом домой проводил.

– Герой! – протянул Олег. – И после этого ты ему даешь ключи от чужой квартиры?

– Он за меня волнуется. Я ему все рассказываю, иначе он просто не будет знать, где я и что со мной. У меня мобильники долго не задерживаются! Или теряю, или крадут! Поэтому, чтобы быть уверенным, что со мной все окей, надо меня видеть! И меня, и тех, кто рядом со мной!

Бисмарк смотрел на Рину и пытался понять, что у нее происходит в голове? Каким дивным образом она считает нормальным то, что рассказывает ему? Нет, речь не о мокром соске груди, в медицине он действительно профан! Но вот так объяснить, почему ключ оказался в руках у совершенно постороннего человека?

– Знаешь, а мы можем вернуться? – попросила вдруг она. – У меня немного работы, с документами... На пару часиков. Они дома под диваном. А потом, если хочешь, я обед сделаю!

Обещание обеда скорее умилило Олега, чем обрадовало.

– Дурочка! – подумал он, но улыбнулся Рине поприятливее.

– Ладно! – сказал, поднимаясь из-за столика. – Только я сначала по делам схожу! А к обеду вернусь! Интересно, чем ты меня сможешь накормить?

– Ты компот из морковки пробовал? – игриво спросила она.

Бисмарк спускался на фуникулере на Почтовую площадь, когда в кармане зазвонил мобильник.

– Вы что, на больничном? – строго спросил знакомый женский голос.

– Нет.

– Тогда почему не на рабочем месте? Бокс со счетчиком в трапезной задымился, а вас нет! Я написала директору докладную!

– Спасибо, – не очень-то вслушавшись в сказанное женщиной, проговорил Олег.

– Вы что, издеваетесь? Если через час не будете на работе, уволим по статье!

Олег нажал отбой и спрятал мобильник. Фуникулер остановился и еще пару секунд не открывал двери.

– Может, не выходить и поехать назад? – подумал.

Пассажиры торопливо высыпались из вагона, на противоположной платформе стояли желающие подняться на Владимирскую горку, но седовласая водительница старинного киевского «наклонного трамвая» пока не открывала им дверь. Она смотрела в зеркало заднего вида на голову оставшегося в вагоне пассажира.

– Эй, турист! Выйди, заплати за проезд, тогда и катайся снова! – сказала уставшим, сердитым голосом.

Бисмарк нехотя вышел на ступенчатую платформу. Назло седовласой водительнице решил не возвращаться наверх. Вместо этого присел в кафе на Сагайдачного и позвонил Адикю. Сообщил ему об угрозах увольнения с работы. «Не нервничай! Я же тебе вчера сказал – надо увольняться! Я думаю, они тебя просто не любят, – рассмеялся Адик на другом конце линии. – Да и сам подумай: за что тебя любить? Особенно, если ты не ходишь на работу? Пойди и сам напиши заявление!» «Я пойду, а они меня арестуют! Помнишь про это замыкание, которого не было? А теперь еще какой-то бокс задымился! Я думаю, это ловушка!» – возразил Олег. Голос Адика стал смешливым. – Есть только одна контора, которая могла бы тобой заинтересоваться, если бы там узнали о ночных раскопках. Но если б она тобой заинтересовалась, ты бы уже сидел у них в гостях и рассказывал про меня и про свой жизненный путь! А так ты сидишь себе на Подоле и делишься со мной манией преследования! В этих случаях всегда надо задаться вопросом: «Я что, такой крутой, что за мною все следят и гонятся?» Проблема в том, что мания преследования часто переходит в манию величия! Поэтому успокойся, выпей коньяка, пойди к кому-то из списочных археологов, а под конец рабочего дня зайди в Софию в отдел кадров и оставь заявление об уходе! Понял?»

Все, что сказал Адик, в этот раз показалось Олегу логичным и справедливым. Он достал список археологов. Подумал, что он и так собирался сейчас на Межигорскую. Не только потому, что этот адрес был самым близким, но и из-за схожести бывшего места проживания Клейнода Виталия Петровича с местом расположения общественной организации «Институт-архив», которая бомбила странными письмами то ли живого, то ли умершего Георгия Польского. Клейнод проживал на Межигорской, 24, кв. 4, а офис «Института-архива» значился по тому же адресу и отличался только номером квартиры.

Дверь четвертой квартиры открыл дряхлый старик в шерстяных спортивных штанах синего цвета и в старом коричневом пиджаке поверх черного гольфа.

– Вы Виталий Петрович? – спросил его Бисмарк.

– Нет, что вы, – тот замотал головой. – Папа умер! Уже два года прошло!

– Тогда вы, наверное, Игорь? – вспомнил Олег имя, стоявшее под всеми одинаковыми письмами, отправленными Польскому.

– Да, Игорь Витальевич! – кивнул старик.

– К вам можно? Я пишу книгу про историю украинской археологии. Меня очень интересуется ваш папа, – голос Бисмарка зазвучал так убедительно, что он сам, казалось, был этому удивлен. Особенно отметив, как внимательно слушает его и смотрит на него хозяин квартиры номер четыре.

– Да, да! – старик посторонился, пропуская гостя внутрь.

В квартире пахло отсыревшими книгами.

– Не разувайтесь! Проходите! – сказал Олегу сын археолога. – У меня тут не убрано.

«Не убрано» – звучало слишком высокопарно для квартиры, в которой, казалось, последний раз убрали лет десять назад.

«Тут пахнет, как после потопа!» – гость остановился в комнате, осматриваясь по сторонам.

– Вон кресло, садитесь! – указал рукой старик. – А я сейчас форточку открою. Действительно душновато!

Два кресла, тяжелые, бардового цвета, если и были моложе этого старого здания, то не намного. Между креслами стоял журнальный столик, а за ним – древний пластинчатый электронагреватель. По расположению пустой чайной чашки на столике Олег определил кресло хозяина и сел напротив. Дотронулся рукой до обогревателя и чуть не обжегся.

– Я вам ничего не предлагаю, – присаживаясь, проговорил старик. – Нечего предлагать, пенсия через неделю!

– Так может, я схожу, что-нибудь вам куплю? – Бисмарк доброжелательно глянул в глаза старика. Лицо его оживилось.

– Что, в самом деле? – не поверил тот своим ушам. – Магазин тут рядом, на углу! Я был бы благодарен!

Олег поднялся на ноги.

– Поесть? – уточнил он. – Или выпить?

– И выпить тоже, – на лице Игоря Витальевича Клейнода проявилась удивленная улыбка. – Раз уж вы так добры, то я сегодня на благотворительный фуршет для бездомных и бедных не пойду! Тем более, что там от коллег по бедности часто дурно пахнет!

– Хорошо, я сейчас! – Олег отправился к выходу.

– Вы дверь не захлопывайте, а только прикройте! Чтобы я снова не вставал! – крикнул ему в спину старик.

Глава 18

Львов, май 1941. Профессору возвращают полный контроль над своей жилплощадью

Выйдя из управления НКВД на улицу, Курилас увидел неподалеку свою служанку в потрепанном пальто, из которого торчали клочья ваты, она бросилась к нему с плачем и стала благодарить за спасение. На ее осунувшемся лице он увидел следы синяков. Ее всю трясло.

– Почему ты в пальто? – спросил Курилас. – Не жарко?

– Почему? У меня под ним ничего нет. Все с меня стащили.

– Кто?

– Да все эти лярвы, которые там сидят. Проститутки – вот кто! Они же дети трудового народа. Им все можно. Отведите меня скорей домой!

Их посадили в машину в сопровождении молодого офицера, которому полковник поручил нести реликвии, завернутые в полотно.

Возле ворот дома профессора стоял грузовик. Лейтенант Кравцов, опершись спиной на кабину, закуривал самокрутку. Водитель в кузове передвигал набитые чемоданы.

– Подгони их там, – крикнул Кравцов офицеру. – Заебали. Такой цирк устроили! Мало того, что мамаша – старая большевичка, так еще и сынок этой старой шлюхи – замначальника тюрьмы. Представляешь?

– Да вот я как чувствовал, что будет непросто.

– А у нас никогда просто не бывает. Он, нас, блять, всегда под танк бросает.

Курилас поднимался по лестнице, чувствуя невероятную усталость. За его спиной топали офицер и служанка. Зайдя в прихожую, они наткнулись на баррикады из вещей квартирантов. Те суетливо вытаскивали в коридор из комнат свои пожитки, упаковывались и при этом громко ссорились.

– О! – окрысилась на Куриласа мамаша. – Явился – не запылится! Посмотрите на него! Оказывается, мы ему мешали! Теперь нас на улицу? Да? С ребенками? О! А это кто!? – показала рукой на служанку. – Да это же враг народа! Ее в Сибирь упечь надо! Скотина! Половой тряпкой чуть меня не избил!

Мамаша сразу бросилась к служанке, пытаясь схватить ее за волосы, но та неожиданно боднула ее головой, видимо, в тюрьме научившись такому способу самообороны. Женщина свалилась на пол, задрала ноги, демонстрируя длинные панталоны, и завизжала, как недорезанный поросенок. Поднялся еще больший шум. Тут уже и остальные жильцы налетели и загалдели о своем, перекрикивая друг друга.

– Молчать! – рявкнул на них военный и положил руку на кобуру.

Все мгновенно умолкли и перепугано выпучили глаза. Военный подошел к мамаше, что стонала, лежа на полу и потирая ушибленный лоб рукой. Заглянул в ее опухшую от ярости физиономию и спросил:

– Фамилия!

– Петрова!

– Имя-отчество!

– Роза Михаловна.

– Так вот, Петрова, она же Роза Михаловна, даю вам час. Соблюдая полную тишину, выносите все свое барахло на улицу. Там вас ожидает грузовик, который отвезет вас на новую квартиру. Всем все понятно?

Испуганные квартиранты закивали головами и снова засуетились вокруг своего скарба. Снова послышалось движение мебели, которую совали из стороны в сторону, но теперь

все происходило намного тише – съезжавшие граждане перешли на шепот. Служанка гордо посмотрела на мамашу и пошла искать свой сундук с нарядами.

– Я здесь побуду, товарищ профессор, – сказал офицер, вручая ему пакет. – Послежу за порядком.

– Спасибо.

Жена профессора тоже решила проследить за порядком и не зря, потому что квартиранты уже начали тянуть в коридор и не свою мебель.

– Простите, – сказала хозяйка квартиры. – Это не ваш диван. И ковер не ваш.

– Как не наш? – возмущенно зашептала мамаша. – Как не наш? Мы уже месяц, как спим на этом диване!

– Отнесите на место! – снова рявкнул офицер. – Чужого не трожь! За мародерство – трибунал!

– Да вы знаете, кто мой сын?

– Мне насрать, кто ваш сын! – рявкнул офицер. – Понятно?

Мамаша схватилась за сердце. Диван «поехал» назад. Теперь за порядком следили оба – офицер и жена профессора. К ним вскоре присоединилась боевая служанка, которая наконец переделалась и привела в порядок лицо. Она стояла, приосанившись, и готова была в любой момент броситься на отступающих врагов.

Богдан Курилас закрылся в своем кабинете, выложил реликвии на стол и задумался. Новая ситуация казалась непростой. Он должен был найти что-то, о чем не имел ни малейшего понятия. Более того, он должен был еще и отнестись к этой задаче как можно серьезнее, не подвергая сомнению полковничьи выводы и гипотезы.

При всем этом шуме и гаме сесть за работу было невыносимо. Курилас отправился на кухню и сделал себе чаю. Слышал, как жена снова делает замечание: квартиранты пытались вынести картины. Все мелкие картины из тех комнат, в которые их заставили заселить новых жильцов, профессор успел забрать, оставил только большие. Это было мудрое решение, потому что небольшие картины эти советские граждане уже бы спрятали в свои громоздкие деревянные чемоданы.

В последние минуты времени, которое офицер выделил квартирантам на выселение, дом просто вздрагивал от топота ног, хлопанья дверей и детского плача. Наконец все затихло. Курилас вышел, чтобы поблагодарить офицера, и увидел, что тот с его женой сидят за журнальным столиком и пьют кофе. Пани профессорша умела находить общий язык с кем угодно, так что быстро нашла его и с чекистом. Родом он оказался из Подолья, окончил Институт народного образования и был очень рад, что попал во Львов. Для него это была настоящая Европа. Такой себе вежливый и милый интеллигент. «Интересно, он с такой же учтивостью сажает людей в товарняки, чтобы отправить в Казахстан?» – подумал Богдан. Наконец попрощались, офицер ушел.

Служанка взялась замечать в освобожденных покоях, время от времени выкрикивая проклятия в адрес освободителей. И вдруг возмущенно воскликнула:

– Да чтоб они обосрались! Люди добрые! Да кто такое видел?

– Что такое? – спросила профессорша и поспешила в комнату. За ней последовал и Курилас.

Их мебель была на месте, но... Добротный ореховый шкаф квартиранты поцарапали ножом так, чтобы можно было прочитать слово из трех букв, кожаную кушетку вспороли, картины тоже.

– Вот скоты! – возмутилась жена.

– Я сейчас догоню их! – вызвалась служанка.

– Нет-нет, – успокаивал их Богдан. – Не надо. Это лишнее. Несчастные люди. Нам и так всего этого много. А Олесь сюда уже не вернется.

– Они тоже не вечные, – сказала жена.

– Как и мы... как и мы...

Вдруг входная дверь распахнулась и появился офицер, волоча за собой одного из высланных мужчин. У того из разбитого носа капала кровь, и он все время шмыгал.

– Я услышал от них, что они натворили, – сообщил офицер. – Хвастались между собой. Но не переживайте. Вам все компенсируют.

После этого он потянул мужика обратно и с силой вышвырнул на лестничную площадку. Курилас услышал, как тот под крики своей семьи с грохотом покатился вниз. Офицер вынул блокнот и быстро записал о всех обнаруженных повреждениях имущества, потом извинился и ушел.

– Какой хороший человек, – жена профессора чуть не прослезилась.

– Посмотрим, – ответил Богдан. – А вот если бы попался им в руки наш Олесь, то не думаю, что ты сохранила бы о нем такое же мнение.

– Видишь, он же сказал: все нам компенсируют.

– А ты задумалась, каким образом? Нет? Я тебе подскажу: привезут нам мебель и картины из квартиры другой семьи, которую отправили в Сибирь. И в то время, как мы будем сидеть на их кожаной кушетке, они будут мерзнуть на деревянном полу товарного вагона!

Курилас увидел, как лицо жены побелело, и пожалел о сказанном. Но уже было поздно. Он обнял ее, прижал к себе, поцеловал в лоб и ушел в кабинет. Жена тем временем позвала служанку, и они вдвоем принялись наводить порядок в комнате сына. Им хотелось восстановить вид, который она имела еще до появления «квартирантов», и в первую очередь развесить на стенах картины, нарисованные Олесем, вернуть на полки его книги, ранее припрятанные по всем закуткам оставленной им жилплощади, включая пространство под их кроватью.

Глава 19

Киев, октябрь 2019. Клейнод-отец, Клейнод-сын и загадка белого порошка

Противный голос пожилой кадровички все еще звенел в ушах у Бисмарка, когда он открывал дверь квартиры. «Вы что, думаете, что вы незаменимый? – почти кричала она. – Да у нас на ваше место три претендента! Из них двое – кандидаты наук!» «Как же это вы меня без научной степени электриком взяли?» – рассмеялся ей в ответ Олег. «Ничего-ничего! – приговаривала кадровичка. – Скоро у нас будет, как в Америке! Ты не выбираешь работу, ты хватаешься за любую, какую можешь найти! Вот тогда посмотрим, какую работу вы найдете, когда нечем будет за газ платить!»

Теперь в кармане лежала трудовая книжка с очередной записью «уволен по собственному желанию». По словам кадровички, он должен был кланяться ей в ноги за такую запись, а не за увольнение по статье за прогулы. Но Олегу были далеки и непонятны советские ценности рабочей репутации. Теперь эта книжка снова будет валяться в нижнем или в верхнем ящике стола и, возможно, никогда ему больше не пригодится. Потому, что работать ради пенсии, а жить ради работы он не собирался. Своей главной работой он считал жизнь. А жизнь – это когда ты занимаешься любимым делом, и не важно: платят тебе за это или нет!

На кухонном столе к своему удивлению он увидел тарелку с холодным супом и рядом записку: «Если хочешь горячее – подогрей!»

– Обещанный обед! – догадался он и почувствовал себя слегка виноватым.

Да, Клейнод-младший отвлек его от всего, включая возможность пообедать с Риной домашнему.

Клейноду недавно исполнилось семьдесят два. Так что думать о нем, как о «младшем», казалось чем-то и странным, и смешным. С другой стороны, мысли о его недавно умершем отце, возраст которого Олег не уточнил, но примерно мог вычислить, настраивали на определенный позитивный лад и словно подсказывали Бисмарку, что он занимается правильным делом, делом, которое явно ведет к долголетию, ведь и Георгию Польскому, если верить правнучке и фотографии из Греции, уже сто восемь, и Виталий Петрович Клейнод-папа, умерший пару лет назад, если и не дожил до ста, то только чуть-чуть, хотя вполне мог и дожить, если допустить, что сын у него родился сразу после совершеннолетия отца. Правда, имущественный ценз у этих двух археологов-долгожителей очень даже различался. Георгий Польский обитал в своем доме на греческом острове и деньгами помогал родне в Киеве. А Виталий Петрович бедствовал себе на Подоле и зависел от каких-то лекарств, которые только Польский мог достать и прислать. И как только передачи с греческого острова на Подол прекратились, жизнь Клейнода-отца закатилась, как вечернее солнце.

Клейнод-сын, к сожалению, не знал названия присылаемого из Греции лекарства. Зато знал, что папа страдал от рака желудка и гипертонии. И белые мельчайшие кристаллики, практически – белый блестящий песочек, а не привычный аптекарский порошок, не только освобождали папу от боли и от скачков давления, но и давали удивительную для состояния его здоровья и возраста силу и энергию. Одного сложенного «фантика» с этим лекарством, весом не больше двух грамм, ему хватало на несколько месяцев.

Клейнод с завистью рассказывал, как отец вдруг решил заняться скандинавской ходьбой, добыл где-то старые лыжные палки и выходил ночью на двухчасовую прогулку. Проходил он всю Константиновскую аж до автомобильных салонов, и потом возвращался домой и все еще не хотел ложиться спать, бродил по квартире, мыл посуду.

Странно, что это лекарство Польский присылал в письмах. Бисмарк просил сына археолога поискать конверты с обратным адресом. Тот пообещал, хотя сразу предупредил, что в

их квартире вещи и документы пропадают бесследно. А потом добавил, что и паспорт свой потерял уже как год. В любом случае, теперь у Клейнода есть номер мобильного Олега и если он что-то найдет, то обязательно позвонит!

– Удивительно, сколько интересного можно узнать в обмен на пачкупельменей и бутылку херсонского «Каберне»! – все еще радовался Олег.

Холодный суп, оставленный ему Риной, не вызвал аппетита. А подогревать его не хотелось. Не хотелось отвлекаться от сегодняшней встречи с этим разговорчивым старичком. Олег припоминал различные детали их беседы, вспоминал и саму квартиру, мебель, захламленную кухню, странный запах, в котором улавливались и нотки мокрых обмылков, и дыхание теплой сырости. И да, раскрыл старик тайну общественной организации «Институт-архив», от имени которой он отправлял товарищу отца требовательные письма. Оказалось, что некий молодой человек попросил у старика зарегистрировать по его адресу общественную организацию и дал ему за это пятьсот долларов. А потом принес какие-то бумаги на подпись, показал сыну археолога две печати: круглую и прямоугольную с адресом. Круглую забрал себе, а прямоугольную оставил старику. Так что Клейнод теперь чувствовал себя не просто стариком, а учредителем важной общественной организации. А на вопрос Бисмарка: «Чем занимается Институт-архив?», он ответил: «Да тем же, чем другие такие же – ничем!»

Улыбка сама появилась на лице Бисмарка от воспоминаний о Клейноде. Он теперь думал, что действительно: старики – как дети. Только детям надо дарить конфеты, если хочешь им понравиться и вызвать доверие! А старикам надо что-то соленое – пельмени, консервы!

Чтобы отвлечься наконец от семьи Клейнодов, Олег достал перстень-печатку, покрутил в руках, надел на безымянный палец правой руки и удивился, как комфортно стало пальцу. Перстень наделся на первую фалангу, как будто это был обычный ритуал. Он не давил и не болтался, он просто «уселся» на свое место так, как король садится на трон.

Каждый раз, когда взгляд Олега падал на украшенный древним перстнем палец, улыбка Олега становилась еще более осмысленной, более самоуверенной и более не связанной с семьей Клейнодов, последний представитель которой доживал свой век на Межигорской.

Перед сном Олег выпил чаю и только после этого снял перстень и спрятал. В доме было непривычно тихо. Удивительным образом Бисмарк ощущал, как нечто странное и необычное, отсутствие Риной. Хотя мысли о том, что она может прийти в любое время, даже в пять утра, немного огорчали. Человек, которого он впустил к себе, пусть даже на время, должен был бы подчиняться его правилам, а не жить по своим. Но Бисмарк с самого начала дал слабину и теперь эту ситуацию не исправить. Он сам пошел с ней пить, он сам дал ей ключ, он не выгнал ее, когда понял, что ключ она передала кому-то еще.

В одиннадцать позвонил Адик.

– Ну как там с написанием истории украинской археологии? – спросил он.

– Очень интересно! Думаю, что будут сюрпризы!

– А когда будут?

– Скоро!

– Так что, может, встретимся и расскажешь?

Бисмарку эта перспектива не понравилась.

– Не сейчас, давай завтра! Лучше завтра к вечеру! Я хочу еще разок с сыном покойного Клейнода встретиться!

– А! Значит, этот умер! Ну слава Богу, хоть кто-то из них умер! – в голосе Адика прозвучало бодрое удовлетворение.

– Умер пару лет назад, но прожил около ста! – поспешил сообщить Олег, думая, что эта новость заставит Адика задуматься.

Укладываясь спать, Олег оставил половину дивана свободной вместе с отдельным одеялом и отдельной подушкой. И сделал он это скорее потому, что не хотел быть разбуженным

Риной, которая явно не собиралась бы забираться к нему под одеяло, приходи она ночью или под утро! По крайней мере, в ближайшее время!

Глава 20

Львов, май 1941. Профессор дорвался до продолжения «Хроники Ольгерда»

Наконец-то Курилас смог сесть за письменный стол. Для начала он сделал короткие заметки из недавней беседы в НКВД, чтобы определенные моменты не выветрились из памяти. Затем развернул папку с продолжением «Хроники Ольгерда».

«Утром на следующий день брат Лука отправился к знакомому греку Иллариону, который разбирал папирусы и глиняные таблицы в библиотеке на холме. Лука говорил, что библиотека его невероятно поразила, потому что хоть он и не принадлежал к народу Книги, но был книжником и всегда чувствовал душевный трепет, беря в руки письменные свидетельства, пришедшие из давних веков. Библиотека представляла собой просторное помещение со многими шестигранными галереями, с широкими вентиляционными колодцами, которые ограждались невысокими деревянными перилами. Галереи плавно перетекали одна в другую, словно заманивая посетителя проникать все глубже и глубже в эту империю древней мудрости. На лестницах, приставленных к стеллажам, хозяйничали монахи, внимательно следя за местопорядком всех этих сокровищ и пристально сверяя их по спискам, которые держали перед глазами. Время от времени они перекликались, называли чьи-то имена или названия. После того, как Иерусалим был освобожден, там царил беспорядок, причиненный мусульманами, защищавшимися от крестоносцев, а затем и самими ворвавшимися сюда крестоносцами, которые преследовали врага повсюду. Но все уже снова стояло на своих местах. Только разбитые глиняные таблички из Вавилонской библиотеки требовали длительного времени на реставрацию. Лука потом говорил, что его поразило также особый запах, царивший в той библиотеке, запах папирусов и пергаментов, глины и кедрового дерева.

Он поинтересовался у Иллариона, что тот знает о девушке, которая сбежала от короля. Грек был удивлен его вопросом и в свою очередь спросил:

– А что ты знаешь?

– Ничего, – ответил брат Лука, – просто нам встретились те, что ее выслеживали. Я удивился, что искать ее отправили несколько рыцарских отрядов. Стало быть, это не простая девица.

– Нет, не простая. Но лучше тебе о ней не расспрашивать, – покачал головой Илларион.

– Почему? Через несколько дней мы покидаем Иерусалим и отправляемся домой. У меня не будет возможности нарушить эту тайну, если это действительно тайна.

– Можешь ею поделиться, когда покинете границы королевства. – Илларион подвел брата Луку к полке со свитками, исписанными египетскими иероглифами, и сказал: – Вот здесь, в записках Аменхотепа Четвертого Эхнатона впервые рассказывается о египетской богине Маа, которая остается вечно молодой. Она умирает в молодости, но потом каждый раз возрождается. И вновь она юная и прекрасная. Ее изображали со страусиным пером на голове.

– Какое отношение имеет она к девушке, которую разыскивают? – удивился Лука.

– Король убежден, что она и есть та богиня. Но теперь ее зовут Мария.

– Как Богоматерь? – удивился брат Лука.

– Возможно, это и есть вечно молодая Богородица Дева Мария, за которой охотятся многие короли, – сообщил, понизив голос грек. – А теперь еще и Папа.

– Зачем она им?

– Все дело в Virginis lactari.

– Молоко Богородицы? – переспросил ошарашенный брат Лука.

– Ты о нем не слышал? Ведь оно сохраняется на Афонской горе, в Халкопратейском соборе в Константинополе и во многих других храмах. Когда родился Христос в Вифлеемской

пещере, то из персов Девы Марии вытекло на землю молоко, и там, где оно вытекало, земля стала белая, как молоко, а потом словно свернулась, став похожей на сыр.

– Или на снег или иней...

– Ты его видел? – насторожился грек.

– Не уверен... Но кое-что слышал, – как можно более равнодушным тоном произнес Лука.

– Значит, ты должен, очевидно, знать, что теперь каждый год на Рождество земля в этом месте кипит, как источник. К этому источнику в день Рождества приходит Иерусалимский патриарх и правит святую литургию, а потом собирает эту белую землю, лепит из нее блины, и затем на каждом блине с одной стороны вытесняют изображение Девы Марии с младенцем, а со второй – надпись: «Молоко Пречистой Богородицы». После чего патриарх посылает эту белую землю в дар христианским королям.

– Расказанное тобою мне известно, – сказал брат Лука. – Я знаю, что во многих храмах молоко Богородицы хранится в бутылочках или в виде сыра, или в виде жидкости. Но... – брат Лука колебался, стоит ли рассказывать дальше.

– Ты что-то знаешь еще? – спросил, прищутив глаза, грек. – Теперь ты мне не доверяешь?

– Нет... это не так. Доверяю. Ладно, расскажу. На стенах пещеры, где мы спрятались от сарацин, мы увидели нечто похожее на иней. И на вкус он был, как молоко. Когда мы его попробовали, то почувствовали в себе такую силу, что выбежали наружу и изрубили половину сарацин, хотя нас было гораздо меньше. Даже я убил четырех. Понимаешь?

– Где это было?

– В пещере к западу от Иерусалима. Полдня дороги к ней.

– Это одна из тех пещер, где она пряталась. Ты никому об этом не говорил?

– Нет.

– Если мы с тобой по одну сторону, то и не говори никому, – прошептал грек. – Я не хочу, чтобы ее выследили. А кроме, как придать силы, этот иней еще как-то повлиял на вас?

– Да. После первого таяния инея на языке видишь вещи такими, какими ты хочешь их видеть. После второго видишь их такими, какими они и не были. После третьего видишь их такими, какими они есть на самом деле. И это отнимает речь!

– Да, это оно.

Тогда Лука спросил, что он имеет в виду, говоря, что причиной охоты на ту таинственную девушку является молоко Богородицы? Грек объяснил:

– Ты же сам убедился в его целебных свойствах. Однако до сего дня собрать этого молока им удалось слишком мало. Властители мира хотят его добыть больше.

– А земля, которую на Рождество собирают, разве она не имеет целебных свойств?

– Нет. Это не более чем реликвия. Тот иней, что вы нашли в пещере, является самым ценным. Но его мало. И найти его все труднее и труднее. Богородица разочаровалась в крестноносцах и не видит больше смысла поддерживать их силы. Божьи воины превратились в грабителей и насильников.

– погоди, – размышлял Лука, – значит, девушка, за которой охотятся, и есть воскресшая Богородица?

– Именно так. Но она вынуждена скрываться.

– А молоко, которое проступило на стенах пещеры... Оно откуда? Неужели с тех пор, как она пряталась от Ирода?

– Могло быть и с тех пор. А могло появиться недавно, если Дева пряталась там от Болдуина.

При этих словах грек с подозрением посмотрел на Луку, но старик не изменился в лице.

– То есть... молоко у нее появляется даже если она не кормит младенца? – удивлялся он.

– В египетских папирусах, которые я тебе показывал, написано, что у богини Маа молоко начинает сочиться, когда на небе воцаряется полнолуние. То же происходит и с возрожденной Девой».

Глава 21

Киев, октябрь 2019. Бисмарку захотелось в Грецию

Вечером они встретились с Адиком в «Книгариуме» на Липинского. Относительно новое заведение еще не пользовалось популярностью и поэтому тут можно было посидеть спокойно и поговорить, не повышая голос, чтобы перекричать музыку или отдыхающих за соседним столиком.

Адика явно насторожил непривычно самоуверенный тон Олега, которым тот начал рассказывать новости. Это не был привычный «доклад», оставлявший массу возможностей для иронических комментариев. В этот раз Олег говорил медленно, задумчиво, иногда замолкал на полминуты, и тогда Адик не мог понять: подыскивает ли Олег нужное слово или наоборот, решает, что говорить, а что не говорить.

Первые минут пятнадцать под рюмочку малоизвестного французского коньяка – другого тут не было – Бисмарк рассказывал свои впечатления о Клейноде.

– Папа, наверное, был очень честным, – объяснял он Адиду. – Все, что выкапывал, отдавал начальству! Ничего себе не оставлял! Поэтому и сын ничего, кроме жилплощади, не унаследовал. И наверное поэтому Польский помогал Клейноду-старшему. Из жалости. Чувствовал себя виноватым перед этим дурачком, который ничего под конец жизни не накопил, а потом еще и раком заболел! А что такое рак, когда у тебя нет денег на врачей и лекарства?

– Можно подумать, рак лечится деньгами! – наконец-то Адик нашел момент для иронии.

– Денег-то у них никогда не было! Польский помогал только лекарством. Денег он им не присылал, только порошок!

– Какой порошок? – насторожился одессит.

– Ну я медленно к этому подхожу, – Олег выдержал паузу и продолжил с хитрой улыбкой на лице. – Поначалу я думал, что это лекарство. Но сын рассказал, что порошок, точнее мелкий белый песочек с кристалликами, он получал в почтовых конвертах внутри бумажки, сложенной фантиком, спрятанным внутри сложенного вчетверо листа бумаги. Писем Польский никогда не писал, листы всегда были чистыми...

– И? – Адик стал подгонять рассказчика, он уже допил свой чай, алкоголя ему сегодня не хотелось.

– И вот я думаю, что это было не лекарство, а кое-что другое! Потому, что по словам сына, порошок помогал ему и от рака, и от гипертонии, и давал ему столько энергии, что больной мог всю ночь бродить по Подолу! Думаю, это были «колеса»! Наркотик!

– Во как? – Адик изумился и глаза его блеснули любопытством.

– То есть Польский, я думаю, разбогател не на спрятанных от археологического начальства находках, а на наркотиках!

– Нет, – Адик махнул рукой. – Человек, проживший столько лет в Союзе и сделавший там карьеру займется наркотиками? Не верю! Скорее всего ему удалось выкопать и переправить в Грецию кучу золота. Отсюда и деньги, и возможность добыть «колеса» для смертельно больного товарища!

– Есть только один вариант узнать правду! – хитро произнес Бисмарк.

– Ну и какой же?

– Спросить у старика.

– У которого? Ты что, все еще думаешь, что он жив?

– Ну ты же сам только что сказал, что он мог спрятать золотые находки и переправить их в Грецию? А кроме того...

С видом победителя Олег достал из внутреннего кармана куртки прозрачный файл, а из него извлек почтовый конверт и протянул его Адику.

– Вот, Клейнод нашел по моей просьбе один из конвертиков, в которых пересылалось лекарство. – Видишь? Греческая марка со штемпелем, адрес получателя с фамилией и фамилия отправителя. Правда, без адреса, но это же не проблема...

– Это конверт, в котором присылался порошок? – Адик раздвинул стороны конверта и внимательно заглянул внутрь. – Так тут могут остаться следы, по которым можно и определить, что там внутри было?

– Опасно! – отрицательно мотнул головой Бисмарк. – Покажешь специалистам, а они тебя сдадут с потрохами! А потом ты их ко мне приведешь! И мы так ничего и не узнаем!

И тут Олег замер, а взгляд его словно развернулся и уставился внутрь. Словно он хотел рассмотреть собственные мысли.

– погоди, а что мы хотим узнать? – несколько раздраженно и удрученно спросил он после минутного молчания и уставился Адику в глаза. – Для чего ты меня к этим археологам подсылаешь? Что ты хочешь найти? Может быть, совсем не золотые штучки из могилы под Софийским собором? Может, именно там археологи хранили наркотики? А раскопками они просто маскировали свои более выгодные делишки?

Адик сыграл лицом удивление и святую простоту.

– Ты не понимаешь! Я же тебе дал список людей, которые копали на том же месте, что и ты, и не докладывали о результатах археологическому сообществу! Если мы узнаем, почему это происходило, то мы выйдем на бесценные вещи! Ты даже представить себе не можешь, сколько они стоят! Любая золотая безделушка того времени тянет, как минимум, на десять-двадцать тысяч баксов!

В голосе Адика прозвучала звонкая жадность, и Олег машинально оглянулся по сторонам, проверяя: не слышал ли сейчас еще кто-то слова Адика.

Бородатый бармен сидел по свою сторону стойки. Его уши были закрыты дорогими и большими наушниками. Больше рядом никого не было.

В искреннюю жадность Адика Бисмарку верилось легко. Как и вообще в искренность любого человеческого порока.

– В музеях из этой могилы ничего нет! Это точно! – Адик перешел на шепот. – Я чувствую, что мы приблизились к тайне тысячелетия! Я тебе еще кое-что покажу, чтобы ты мне поверил!

Он полез рукой в карман плаща, а когда раскрыл ладонь перед лицом Бисмарка, на ней лежала небольшая золотая фляжечка с тем же изображением, что и на перстне-печатке.

– Это та грудка, которую я тебе передал? – догадался Бисмарк.

Адик кивнул.

– Для коньяка маловата! – выдохнул, скривив губы, Олег. Настроение у него испортилось.

– В то время коньяка еще не было! Это сосуд для магического эликсира на случай смерти или ранения! Но эликсиры – это фигня! Главное, посмотри, какое золото и какая тонкая работа!

– Ты не веришь в магию? – на губах Олега заиграла ехидная улыбка.

– Достаточно того, что они верили! – спокойно ответил Адик. – Если они верили – значит им все эти эликсиры помогали! Мы вот ни во что не верим, поэтому нам помочь невозможно! Я вон даже в аспирин не верю! И знаешь, совершенно нет смысла его принимать! Не помогает!

– Но ведь порошок от Польского Клейноду-отцу помогал! – не согласился Олег. – Значит, все-таки есть эликсиры, которые действуют!

Адик пожал плечами.

– Хотел бы я попробовать этот порошок! – усмехнулся он. – Как-то оно не складывается: археология с наркобизнесом! – Он отрицательно мотнул головой. – Что-то тут не так!

– Так давай я полечу в Грецию к Польскому и задам ему пару вопросов? Остров я уже вычислил!

Адик задумался. Он молчал минуты две-три.

– И сколько это будет стоить? – спросил он с одесской интонацией.

– Ну, тысячу евро должно хватить, – предположил Олег.

– За эту штуку я мог вчера получить тысяч десять, – Адик опустил взгляд на фляжечку в своей ладони. – Столько мне сразу предложили, как только я ее показал! Но я бы не хотел продешевить! Если сразу давали десять тысяч, значит она может стоить и тридцать, и даже пятьдесят! Есть люди, которые собирают все, связанное с тамплиерами и госпитальерами, и платят страшные деньги! Вот когда продам за нормальную цену, тогда, может, и дам тебе на Грецию!

– Тогда продай что-нибудь менее ценное! – предложил Олег.

– Я подумаю, – пообещал Адик.

Обещание Адика в комплекте с серьезным выражением его лица вдохновило Олега. Греция стала чуть ближе.

– Как там твоя амазонка? – спросил вдруг одессит, перейдя на игривый тон.

– Не знаю, последние две ночи не приходила!

– Ни хрена себе! – наигранно удивился Адик. – И ты не волнуешься?

– А чего мне волноваться? Мы же с ней не спим вместе! То есть, не живем! Она иногда ночует, иногда не ночует! У нее своя жизнь!

– Понял! – Адик кивнул. – Извини, больше вторгаться на твое минное поле не буду! У меня свое есть!

Вернувшись домой, Бисмарк зажег свет во всех помещениях, словно боялся не заметить припрятавшейся где-то Рины. Но ее не было.

Устроившись на кухне, Бисмарк почувствовал, что его действительно беспокоит ее отсутствие. Он набрал ее по мобильнику. После трех длинных гудков в ухо ворвалось «Да, говорите!», сказанное незнакомым мужским голосом.

– Брат Коля? – осторожно спросил Олег.

– Вы не звоните больше по этому номеру, – сухо произнес тот же мужской голос. – Телефон я нашел на улице! Теперь он мой!

– А на какой улице вы его нашли? – поинтересовался Бисмарк.

– Да какая разница, – возмутился собеседник и отключился.

Глава 22

Львов, май 1941. Незнакомая студентка заставляет профессора схватиться за револьвер

Куриласа заинтересовала одна деталь. Рыцарь Ольгерд писал, что взял себе на память замок из храма Гроба Господня, хотя и без ключа.

– Странная прихоть! – удивлялся Курилас. – Зачем ему замок от ворот из дальнего Иерусалима? И без ключа...

«Когда рыцари прибыли в Рим и остановились на постоялом дворе, то захотел с ними увидеться Папа. Он принял их в своих палатах. Была с ними также и девушка, переодетая парнем. Рыцари вручили Папе подарки – резные золотые сарацинские подносы и бокалы, сушеные финики и пальмовое вино.

“Папа поблагодарил, приблизился к нам и протянул руку, мы все по очереди поцеловали его перстень, но Мария только сделала вид, что целует. Со стороны этого никто кроме меня не заметил, но Папа посмотрел на нее удивленно, а она опустила голову и пыталась на него не смотреть. Папе это не понравилось, он взял ее за подбородок и посмотрел ей в глаза. Но она зажмурилась.

– Что за странный мальчишка! – возмутился он.

Тогда князь поспешил уладить досадную историю.

– Это мой оруженосец, он Ваше Святейшество обожает, а потому очень волнуется. Его всего трясло, когда мы шли к вам. Для него это память на всю жизнь. Простите его, Ваше Святейшество!

– Хорошо, – кивнул Папа и сказал: – Вы с дороги. Вас поведут искупаться, а потом накормят.

Он дал знак одному из своих кардиналов, и нас повели по лестнице в нижнюю часть дворца. И сопровождал нас не только кардинал, но и несколько вооруженных солдат. Мы же свое оружие оставили за воротами. Я видел, что Мария ошутимо взволновалась. Это было похоже на ловушку, из которой нелегко было бы выбраться живыми. Я поглядывал то на князя, то на Луку, надеясь, что они найдут из нее выход”».

В этот момент служанка отвлекла Куриласа от чтения и сообщила, что пана профессора хочет видеть студентка.

– Студентка? – удивился Курилас. – С каких это пор студентки меня навещают дома?

– Вот и я об этом! – фыркнула служанка. – Да еще когда пани профессорши нет дома.

– Ну-ну, сдержи-ка свои фантазии, – сказал строго Курилас. – Она назвалась?

– Нет, пан профессор, – ответила смущенно служанка.

– А Веруня где?

– Прибегала соседка и сообщила, что дают хозяйственное мыло, и она заняла очередь, – протарахтела служанка. – Я сама хотела бежать, но пани приказали варить вам кулеш.

– Ладно, зови.

– Со шкварками или с брынзой? – спросила служанка в дверях.

– Что? – не понял Курилас. – С какими шкварками?

– Я о кулеше... – извиняющимся тоном сказала служанка.

– А-а... – отмахнулся Курилас. – С брынзой...

Служанка исчезла, а через мгновение в кабинет зашла высокая худая девушка с совершенными чертами лица. Казалось, она сошла с портрета Габриеля Россетти. И одета была в длинное клетчатое платье, облегаящее ее фигуру. Ее длинные темно-каштановые кудри опа-

дали на плечи. Она одарила хозяина очаровательной улыбкой так, будто они знали друг друга невесть сколько лет, вежливо поздоровалась и сказала мелодичным бархатным голосом:

– Сразу скажу, что я не ваша студентка. Но у меня к вам дело и оно вам покажется странным.

– Да, – нетерпеливо перебил ее Курилас, которому очень не нравилось, когда его отвлекли от научных занятий. – Прошу садится.

Но девушка проигнорировала его приглашение и продолжала стоять.

– Я прошу вас не торопиться с выполнением задания, которое вы получили от НКВД.

При этом она мило улыбнулась. Курилас снял очки, протер их, снова надел и спросил:

– Кто вы такая? Откуда вам известно, какое задание я получил?

– Я бы попросила вас не спешить! Чем дольше вы будете тянуть время, тем лучше для вас. Иначе вас ждет беда.

– Беда? Какая такая беда? Да вы, наверное, с Кульпаркова* сбежали? У меня нет никакого желания выслушивать этот бред. – Курилас поднялся с кресла. – Не знаю, кто вы и зачем сюда пришли! Передайте своим хозяевам, что я ученый, а не аферист. И все, что пообещал, выполню.

– А зря, – покачала головой девушка. – Как только вы передадите им свое исследование, ваша жизнь потеряет ценность. Вы станете лишним. А лишних людей да еще и таких, которые знают слишком много, уничтожают. Неужели вы действительно хотите, чтобы красная нечисть воцарилась над миром? Неужели вы хотите им в этом помочь?

Курилас уже не сомневался, что это провокаторша, от присутствия которой надо любой ценой избавиться. Чекисты просто решили его проверить и подсунули ему эту... хм... студентку. Но не на того напали.

– Я советский человек! – воскликнул он и помахал девушке пальцем – Не старайтесь меня провоцировать! Я не собираюсь предавать свои идеалы!

– Интересно! – засмеялась девушка. – Какие такие идеалы? Неужели коммунистические?

– Конечно! Нас от польского ига освободила великая красная армия. И я ей за это глубоко благодарен. Поэтому сделаю для новой власти все, что в моих силах. А вас попрошу... – он указал ей на дверь, за которой, как он догадывался, притаилась служанка.

– Значит, вы отказываетесь прислушиваться к голосу разума? – сказала девушка сухо и подошла ближе, пронизывая профессора холодным взглядом, от которого ему стало на мгновение страшно. Он еле сдержался, чтобы не отступить назад.

– Голос разума? – засмеялся довольно наигранно Курилас. – Пока я не услышал в ваших словах ничего разумного. И я не собираюсь с вами дальше дискутировать.

Девушка сделала еще шаг и протянула руку так, словно хотела коснуться профессорской груди. Курилас дернулся, забежал за стол и выхватил из ящика револьвер.

– Немедленно покиньте мой кабинет! – скомандовал он решительным тоном и направил дуло на девушку.

Она сокрушенно улыбнулась, но не сдвинулась с места. Ее взгляд все еще пронизывал профессора, парализуя его тело и волю. Не было уже куда отступать, но и уверенности профессору не хватало в том, что сможет он воспользоваться револьвером. Против такой-то красавицы?! Ее глаза кого-то ему напоминали, они были суровые и вместе с тем теплые, чтобы не сказать материнские. Но слова, вылетающие из этих девичьих уст, никак не могли ей принадлежать.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.